

Д Е Ш Н И Ц А ,

А Л Ь М А Н А Х Ъ

Н А 1831 Г О Д Ъ ,

И З Д А Н Н Ы Й

М. М А К С И М О В И Ч Е М Ъ .

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИК. ХИРУРГИЧ. АКАДЕМІИ.

~~~~~
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи пред-
спавлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. Москва, Генваря   дня,
1831 года.

Цензоръ Иванъ Снегиревъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Спран.

Обозрѣніе Русской Словесности 1830 года... I

Подражаніе Псалму XIV, <i>Н. Языкова</i>	4
Бѣлый человѣкъ. разсказъ: <i>П. Сумарокова</i>	3
Цицеронъ, <i>Θ. Тютчева</i>	40
Зимнія карикашуры, <i>Кн. Вяземскаго</i>	44
Успокоеніе <i>Θ. Тютчева</i>	54
Постоялый дворъ, <i>Н. Полеваго</i>	48
Хоръ изъ трагедіи Андромаха.....	87
Послѣдній кашаклизмъ <i>Θ. Тютчева</i>	89
Пѣсня <i>А. Пушкина</i>	90
Тайная скорбь <i>А. Велетмана</i>	94
Весна <i>Θ. Глинка</i>	92
Урокъ Эпикурейцамъ <i>С. Раига</i>	93
Аня Ивановнѣ, <i>Н. Языкова</i>	95
Изъ Спранника <i>А. Велетмана</i>	95
Цыганы <i>А. Пушкина</i>	406
Посланіе къ Пушкину <i>С. Шевырева</i>	407
Ошривокъ изъ Дурацкаго колпака.....	445

СОДЕРЖАНІЕ.

	страниц.
Разсвѣтъ <i>Н. Языкова</i>	120
Громъ <i>Ө. Глинки</i>	122
Дай крылья	125
Отрывокъ изъ рукописи Пушкина.....	124
Уединеніе.....	151
Русская колыбельная пѣсня.....	152
<i>К. С. А. Ө. П. Сумарокова</i>	154
Въ Альбомъ, <i>А. Велетмана</i>	156
Эпиграммы.....	157
Тайна <i>А. Велетмана</i>	158
Дѣвичій сонъ, <i>Ки. Вяземскаго</i>	159

Пѣвецъ *А. Пушкина*. Музыка на него *Г. Верстовскаго*.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

1830 года.

Симъ годомъ Словесность наша , доканчивая *третье* десятилѣтіе XIX вѣка , сдѣлала новое движеніе , состоявшее въ замѣпномъ ея сближеніи съ жизнью. Она уже пересшла бышь предметомъ и заняпій и наслажденій отдѣльныхъ опъ дѣйствительной нашей жизни.

Сіе знаменуется многими собственными и не собственными - липперапурными произшествіями. — Въ семь году вняпнѣ заговорили о Липперапурѣ , какъ

II

о выраженіи общества. Прежніе упрёки кришкѣ журнальной въ бранчивости и неприличіи, теперь приняли бѣльшую важность отъ требованій нравственно - либеральныхъ. Отсюда большія размолвки въ журналахъ.

Отъ такомъ движеніи свидѣтельствуютъ появленіе новыхъ газетъ, будущее учащеніе въ выходѣ прежнихъ и — паденіе многихъ журналовъ, хотя и съ достоинствомъ, но менѣе дѣятельныхъ и разнообразныхъ.

Въ семь году впервые появилось много оригинальныхъ романовъ, — впервые прочли мы хорошій Русскій романъ. Въ нашемъ понятіи, и это составляетъ примѣру либеральной *жизненной дѣятельности*. — Отъ сей дѣятельности можемъ ожидать въ послѣдствіи боль-

шей плодовишости въ споль измѣльчавшей Липшерашурѣ нашей. Но... *это будетъ, то будетъ; а будетъ то, то Богъ дастъ!* говорилъ великій Богданъ.

Можешъ бышь, ни одинъ новый годъ еще не встрѣчала Поэзія наша такими богатыми дарами, какъ 1830. Она встрѣшила его *Иліадою Гомера*, переведенною Г. Гнѣдичемъ. Сей 20-лѣтній, споль безкорыстный и у насъ рѣдкій трудъ переводчика, открывая намъ новый, цѣлый міръ классическаго изящества, долженъ имѣшь вліяніе на Поэзію нашу и на всю Словесность. Но доселѣ онъ не произвелъ, не успѣлъ еще произвести движенія въ нашей Липшерашурѣ, и скорѣе можешъ бышь позна-

IV

юшь важность его при изученіи самаго Гомера.

Г. В. Орловъ напечаталъ *Опытъ перевода Гораціевыхъ одъ*, мѣстами близкаго къ подлиннику, иногда поэпическаго; но это не *Опытъ*: у насъ прежде Г. Орлова были прелагашели Горація, копорыхъ не дрездошеть онъ, и намъ все еще остаешся ждашь Горація, переведеннаго безъ риемъ, размѣромъ и значеніемъ подлинника.

Гинекіонъ есть книжечка, содержащая переводъ сшихами 10 аншологическихъ пьесъ, съ Греческимъ подлинникомъ напечатанный.

Переходя къ собственнымъ произведеніямъ Русской Музы, вспрѣчаемъ новое полное собраніе басень *И. И.*

Крылова, въ 8 книгахъ и въ разныхъ формахъ напечатанное. Сей Поэшь первый умѣлъ говорить въ Русскомъ духѣ; спихъ его спольже *нашъ*, какъ и Русская пословица: за то многіе спихи его спали пословицами. Новыхъ ба- сень 21. Въ нихъ шѣжь достоинсшва, шопъ же умъ, если уже и не споль игривый, шо еще болѣе опышный.

Пушкинь напечаталъ *VII-ю главу Евгенія Онегина*, въ кошорой наиболѣ замѣчательна живописная, песпрая кар- шина Москвы. Каршину сію нѣкошорые кришки сравнивали съ Москвою въ *Горѣ отъ ума*, хошя ихъ можно сравни- вать какъ видъ какого либо зданія на- ружный съ изображеніемъ внутренно- сти его. Пушкинь представилъ очеркъ *Москвы*, шакъ сказать, наружный — об-

VI

щими, постоянными чертами; у Грибоѣдова раскрыта Москва во внутреннихъ ея складахъ, въ частностяхъ, взята въ одно *данное* время, которое прошло уже, и Москва во многомъ спала не ша, не по преимущественно занимаетъ ее. Картина Москвы у Пушкина — *вѣрна*, у Грибоѣдова — *была вѣрна*. Въ сей же главѣ замѣчательно описаніе кабинета Онѣгина и посѣщеніе онаго Танею. Первая половина главы проникнута глубокою задумчивостью. Съ каждою новою главою, сей романъ Пушкина становится драгоценнѣе по вѣрности взгляда и представленія описываемыхъ предметовъ.

Ө. Н. Глинка издалъ описательную поэму *Карелія или затогеніе Марѣи Іоанновны*, гдѣ, какъ справедливо замѣ-

чала кришика, опразилась вся его Поэзія, съ своими красошами и недоспашками. Многія новыя каршины сѣверной природы и его Псалпирическія вдохновенія блестящъ и звучащъ иногда такъ плѣнительно, что наслажденіе чшаша-пеля хопѣло бы забышь кришику, осуждающую недоспашокъ порядка и правильности въ Кареліи. — Но если сія поэма самообразна до своенравія, шо *Нищій* и *Безумная* слишкомъ безцвѣсны. Въ сихъ двухъ стихопворныхъ повѣсняхъ находимъ только ошголоски шѣхъ звуковъ, коими Гг. Подолинскій и Козловъ *высказались* въ своихъ первыхъ поэмахъ, пропѣшыхъ у одного на шонь Пушкина, у другаго на шонь Жуковскаго. — Къ Нищему и Безумной подходишь и *Безпріютная*, повѣсць Г.

VIII

Прова Максимовича, но онъ еще не владѣешь стихомъ своимъ. — *Рожденіе Іоанна Грознаго*, поэма Барона Розена, показываешь, что лира его не вездѣ такъ звучна, какъ въ лирическихъ пьесахъ.

Г. Слѣпушкинъ издалъ сельскую поэму *Четыре времени года Рускаго поселанина*, которая хуже прежнихъ его стихотвореній, ибо простому смѣнило жеманство. Жаль, если сіе произошло отъ постороннихъ похвалъ и совѣтовъ.

Примѣръ Г. Слѣпушкина возбудилъ къ стихотворству и другихъ крестьянъ, и уже изданы *Стихотворенія Егора Алипанова*. — Скажемъ еще, что вышла 2 и 3 часть *Евгенія Вельскаго*, стоящаго на той чертѣ, за коей проспирается уже темная сторона, terra

incognita нашей Поэзіи, о коей любопытные могутъ узнашь изъ Сѣверной Пчелы.

Что касается до драмы, то если не Словесность наша, по крайней мѣрѣ сцена Петербургская въ семь году обогащена значительными новыми представленіями и пріобрѣтеніями, кои неизвѣстно почему не переносятся на театръ Московскій, споль оскудѣвшій въ своемъ репершуарѣ и такъ мало имѣющій любительей.

Трагедія наша ожила наконецъ въ послѣдніе дни года: мы дождались *Бориса Годунова*; но на заглавіи его выспавлень 1831 годъ. Изъ трагедій вышедшихъ въ 1830-мъ замѣнимъ какъ лучшую *Макбетъ*, переведенную съ Нѣмецкаго Г. Рощевымъ; назовемъ *Василія*

Х

Шуйскаго — первый опытъ Г. Спанкевича. Г. Кони перевелъ Дюканжеву Мелодраму *Смерть Каласа*.

Комедія сдѣлала нѣкошорое приобрѣшеніе во 2-й часпи *Дворянскихъ выборовъ*, гдѣ предспавлень *Выборъ Исправника*, и во 2-й часпи *Театра Хвѣльницкаго*, гдѣ между прочимъ помѣщенъ переводъ Комедіи *Школа женщинъ*. Все оспальное соспояло въ водевиляхъ, переводныхъ и даже оригинальныхъ. Г. Ленскій былъ усерднѣ всѣхъ на эпомъ бенефисномъ поприщѣ.

Говоря о поэпическихъ произведеніяхъ, мы изчисляли шолько изданныя ошдѣльно, и не называли стихошвореній, кои Поэпы наши разсѣяли въ пошременныхъ изданіяхъ. Изъ журналовъ всѣхъ богаче ими была Липшера-

шурная Газета , кошорая порадовала насъ, между прочимъ, и нѣсколькими можно сказать душевными звуками огненной Музы Давыдова.

Изъ новыхъ стихотворцевъ упомянемъ о Г. *Деларю*, подражавшѣ Дельвигу.

Но говоря о приращеніяхъ нашей Словесности, мы должны почтить память ушраченныхъ ею жрецовъ и служителей: Мерзлякова, В. Л. Пушкина и В. В. Измайлова.

А. Ѳ. Мерзляковъ (родился 1778), Профессоръ Московскаго Университета, одинъ изъ всѣхъ преподавателей Словесности въ Россіи пріобрѣлъ себѣ именишость, увлекашетьнымъ краснорѣчіемъ своихъ лекцій и ученостью своихъ разборовъ. Какъ Поэтъ, онъ замѣчательнъ своими лирическими стихотвореніями.

ХІІ

швореніями, особенно Русскими пѣснями, въ коихъ онъ первый умѣлъ быть народнымъ, какъ Крыловъ въ своихъ басняхъ, — и кои послѣ него только Дельвигъ пѣлъ намъ шакъ сладко. — Мерзляковъ, какъ теоретикъ и художникъ вмѣшавъ, хотѣлъ показати образцы классической Поэзіи и много переводилъ изъ Древнихъ — можешь быть, въ пакладъ собственной Поэзіи: въ немъ слишкомъ много было *своего* чувства, и въ переводахъ его замѣшно однообразіе, не вездѣ есть та пластика, *оконченность*, кою отлична поэзія классическая отъ новѣйшей. — Онъ издалъ уже собраніе переводовъ изъ Древнихъ и переводъ Освобожденнаго Іерусалима; печатающіяся его Пѣсни. Желательно, чтобъ изданы были и прозаи-

ческія сочиненія, кои составили бышома IV весьма назидательнаго чтенія.

В. Л. Пушкинъ (родился 1770) принадлежалъ къ стихотворческой школѣ, которую основали у насъ Дмшпріевъ съ Карамзинымъ. Многія посланія и басни его суть свидѣтели его пріятнаго шаланпа и вкуса; но лучше всѣхъ его стихотвореній — *Опасный сосѣдь* (Буяновъ). — Путешествуя по Франціи, онъ знакомилъ иностранцевъ съ нашими пѣснями, переводя ихъ на Французскій языкъ, который зналъ онъ въ совершенствѣ.

В. В. Измайловъ (родился 1773 г.), былъ прозаическій писатель той же школы, одинъ изъ первыхъ и лучшихъ распространителей Карамзинской доисторической прозы. Лучшее его сочи-

XIV

неніе естъ *Путешествіе въ Полуденную Россію*. Руссовы письма о Ботаникѣ переведены имъ съ большимъ вкусомъ.

Г. Загоскинъ своимъ романомъ *Юрій Милославскій*, доставилъ намъ незнакомое доселѣ удовольствіе прочестъ хорошій Русскій романъ; ибо хошя въ покойномъ Нарѣжномъ было несомнѣнное дарованіе для сочиненій сего рода; но романы его, и по предмету и по грубости тона, не могли понравиться всѣмъ читателямъ. Романъ Г. Загоскина прочли съ удовольствіемъ всѣ, и любители и знатоки, и сей-шо полный успѣхъ замѣчашеленъ. Романиста упрекали въ томъ, что въ его романѣ мало историческаго, что главные лица и важнѣйшія событія той эпохи едва

видны вдали, что главный герой романа безхарактеренъ. Все это справедливо. Только Г. Загоскинъ, кажется, не по имѣль и въ виду; онъ по видимому хотѣль изобразить намъ народъ Русскій того времени, не въ описаніяхъ историческихъ событій, но представляя частныя сцены разныхъ сословій народа, изъ коихъ бы можно было видѣть: какое вліяніе имѣли политическія событія на ихъ жизнь и мнѣнія. Съ этимъ согласуется и названіе романа: *Русскіе въ 1612 году*. Опъ того и самый герой романа не самобытенъ: это живая нитка, которою держатся яркія шкани романа. Сцены вообще занимательны собою, не рѣдко мастерскія; но не имѣють необходимости и послѣдовательности въ ходѣ

XVI

романа : являясь большею частію случайно , онѣ производящъ и дѣйствія случайныя . Опъ того читатель мало занящъ будущею участію дѣйствующихъ лицъ ; все его вниманіе въ *настоящемъ* ; опъ одной сцены увлекается къ другой не сколько неперпѣливымъ желаніемъ узнать , что будешь съ нашими героями , сколько любопытствомъ видѣть : куда поведешь насъ , и что покажешь намъ романистъ .

Но чѣмъ же онъ такъ увлекателенъ ? — Непринужденностью и живостью разсказа ; неподдѣльною , добродушною веселостью . Присоедините къ этому еще уваженіе къ нравственному чувству души нашей — не то , которое только въ *нарожныхъ* возгласахъ и пошлыхъ сеншенціяхъ , даетъ знать о

себѣ при удобномъ случаѣ; но которое, какъ невидимая жизнь, внутренно собою согрѣваешь. Чувство сіе понятно только чувству; постычь опытнокъ и характеръ его въ Рускихъ, и для нихъ изобразишь его, можешь только Рускій. Кто лучше Русскаго пѣвца споешь для насъ народную нашу пѣсню? . . . Васъ *Зонтагъ* восхищала Русскими пѣснями: но не вы ли, желая показашь ей свой угодливый восторгъ, спухомъ и воплемъ заглушали лучшіе звуки очаровательнаго голоса? . . .

При такихъ качествахъ Юрія Милославскаго, его усѣху конечно содѣйствовало не мало и предварительное появленіе *Ивана Выжигина*, котораго (по выраженію Кн. Вяземскаго) оставляешь какъ смиреннѣйшій домъ. При

XVIII

его появленіи, случайно обнаружилось въ нашихъ чипашеляхъ пребываніе Русскаго романа, и съ тѣмъ вмѣстѣ, только усилилась потребность; съ любовьюшествомъ было бросились на него, но скоро съ ошвращеніемъ бросили его почти всѣ образованные чипашели, наскучивъ прищорносью подгошовленной морали, долгошою пошпороннихъ разсказовъ, пошлосшію вообще и наконецъ грязными карпинами Волокишиной, Приманкиной, Миловидиныхъ, Зарѣзиныхъ, Ножовыхъ, Воровашиныхъ и другихъ негодяевъ. Чипашели думали, что Г. Булгаринъ изобразилъ пороки господствующіе; а онъ говоритъ о чашныхъ безнорядкахъ, которые, можешь бышь, ему удалось развѣдать, — о томъ, чему едва бывали при-

мѣры на Руси; или же гонишь пороки, кои всегда и вездѣ, какъ неизбѣжная шѣнь, преслѣдовали человѣка.

Впрочемъ сей нравственно-сапирическій романъ имѣлъ большой успѣхъ въ просшонародіи (что такъ хорошо изъяснилъ Г. Кирѣевскій), имѣлъ на своей сторонѣ много читателей; въ новомъ, *Историческомъ* романѣ Г. Булгарина, и того нѣтъ. Прочитавъ его, удивляешься, какъ могло здѣсь обнаружиться еще менѣе таланта, чѣмъ въ *Выжигинѣ*; не вѣришь самъ себѣ, какъ доспало терпѣнія пройти эти скучные, длинные чешыре тома. Успалось, споска, и еще какое-то *противное* чувство остающся на душѣ, по прочтеніи сего романа.

Жаль, что такая занимательная эпо-

ха такъ скучаешь въ романѣ Г. Булгарина; жалѣешь о самомъ Самозванцѣ, на мрачную память коего Романиспъ еще опъ себя наложилъ черныя пяпна. Не говоримъ о другихъ выдумкахъ, анахронизмахъ и погрѣшностяхъ. Несправедливо бы и ждашь чего нибудь дѣльнаго въ семь родѣ опъ Г. Булгарина, коего Историческая слава уже давно пропала за *простую серебряную копѣйку*, копорую онъ называль *монетою Игоря*, и копорую, на ' позоръ ему, показывали цѣлой Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Г. Ширяева; и проч. и проч. — Но не одинъ вымысль, самое исполненіе скучно въ романѣ по своей моношонности, по безцвѣшню слога, или лучше, по опсуществію слога. Русскій языкъ здѣсь, какъ и вообще

въ сочиненіяхъ Г. Булгарина, значительно выправленъ и вычищенъ, гладко обшочень; но эшо не живой, а мершвой языкъ, безъ характера, движенія и души, безъ слога; эшо механическое, не изящное искусство; эшо анапомическій препаратъ, а не живое созданіе. Впрочемъ не справедливо бы и пребывать *живаго слова* ошъ иноплеменника, поздно начавшаго писать на нашемъ языкѣ, къ шому же и не имѣющаго *своего возрѣнія на мѣръ* и проч. и проч.

Г. Погорѣльскій, ш. е. авторъ *Двойника*, издалъ первую часть своего романа *Монастырка* и шѣмъ раздразилъ шолько любопытство читателей, не удовлетворивъ его. По сей причинѣ мы можемъ похвалить въ немъ шолько образованный, правильный языкъ и

XXII

изящный слогъ. Особенно хороши письма милой героини романа. Все остальное довольно *обыкновенно*; необыкновенны только нѣкопорыя карикашуры Малороссiянъ : и — какъ ни полюбили Малороссiяне свою милую землячку *Галегку*, но пожурили ее за то, чтобъ не писала въ Пешербургъ насмѣшливыхъ выдумокъ про *добрую* свою шешку и *добрыхъ* кузинъ. —

Потъзка въ Германiю, или романъ Г. Греча въ 2 частяхъ, написанъ слогомъ швердымъ, языкомъ правильнымъ, какимъ умѣешь писать Г. Гречь, когда захочешь. Оспроша, или лучше сказашь *колкость*, особенно въ изображенiи Пешербургскихъ Нѣмцовъ и чиновниковъ, сосставляешь шакже досшоннство и оп-

личіе сего романа, не водянаго, какъ Выжигинъ, но ледянаго.

Успѣхъ Выжигина породилъ у насъ особое опродѣ нравственно-сатирическихъ романовъ. Таковы: изданный Г. Щегловымъ (въ концѣ 1829) *Иванъ беззаботная голова* и *Кумъ Мамвѣй*; *Ягупъ Скупаловъ* или *исправленный мужъ*; даже въ стихахъ — *Купецескій сынокъ*. Всѣ они еще хуже самаго своего прародителя. Къ Булгаринской школѣ романовъ въ семь году приспали Гг. Оомишь и А. Орловъ: послѣдній печатаешъ *Хлыновскіе степняки* или *дѣти Ивана Выжигина*.

Но Иванъ Ивановичъ еще непосредственнѣе продолжается въ новомъ *Выжигинѣ* — *Петръ Ивановичѣ*, о маршов-

XXIV

скомъ выходѣ коего Г. Булгаринъ извѣстилъ уже особыми афишами.

Федора, романъ изданный Г. Сумароковымъ, названъ неизвѣстно почему *Историческимъ*.

Вопрь сколько было въ семь году романовъ, не говоримъ уже о многихъ оригинальныхъ повѣстяхъ, разсѣянныхъ въ журналахъ и альманахахъ. Продолженіе романовъ въ виду; уже многіе знаемъ по опривкамъ и объявленіямъ.

Г. Загоскинъ издаетъ: *Рославлевъ* или *Рускіе въ 1812 году*, который онъ можешь описывать какъ учасникъ въ отечественной войнѣ прошивъ Французовъ, какъ самовидецъ пожара Москвы, съ большимъ преимуществвомъ предъ авторомъ Выжигина и Самозванца.—Г. Погорѣльскій напечаталъ въ Лип-

перашурной Газетѣ отрывокъ изъ *Магнетизёра*, и конечно не упайшь ошь насъ продолженія *Монашпырки*. Г. Ушаковъ издаешъ *Киргизь-Кайсакъ*, копорый такъ хорошо себя зарекомендовалъ двумя отрывками въ *Телеграфѣ*, ошкуда знаемъ мы о сущесствованіи *Семейства Холмскихъ* и *Жизни Эразма*. Печашающся: *Послѣдній Новикъ*, историческій романъ Г. Лажечникова, и *Удивительный человекъ*, романъ Г. Яковлева. Г. Борисъ Федоровъ уже давно пописываешъ романъ *Курбскій*. Г. Кулжинскій напечаталъ въ *Московскомъ Вѣспникѣ* отрывокъ изъ своего романа. Наконецъ, не ужели не увидимъ и въ наступившемъ году *Гайдамака*, ошь Г. Байскаго.

Г. Яковлевъ издалъ 3-ю часшь *Запи-*

XXVI

сокъ *Москвита*, имѣющихъ прежнее достоинство. Г. Гераковъ издалъ 2-ю часть собственныхъ *Путевыхъ записокъ*, замѣчательныхъ чистосердечіемъ автора. Объ *искусствѣ брать взятки*, предоставляемъ судить художникамъ сего искусства.

Переводили всего больше въ семь году романы и повѣсти изъ Фандерфельде, изъ коихъ должно отличить *Посольство въ Китай*, романъ хорошо переведенный Г. Лангеромъ. Изъ Вальшеръ - Скопшовыхъ романовъ хорошо переведены *Карль Смѣлый* Г. Дешапломъ, и *Певериль* Гг. Писаревымъ и Аксаковымъ; заслуживающъ также похвалу: *Сель-Марсъ* (соч. де Виньи) — переведенный Г. Очкинымъ, и *Послѣдній день приговореннаго къ смерти* (соч.

Гюго). — Замѣтимъ еще, по прославленному доспоинству Русскаго перевода, довольно скучный романъ *Мирза Хаджи Баба Исфгани въ Лондонѣ*. — Наконецъ упомянемъ о выходѣ 4-й части повѣстей, издаваемыхъ Г. Полевымъ.

Въ семь году издано полное собраніе сочиненій *Фонь-Визина*, въ 4 частяхъ, изданное Г. Салаевымъ.

Напечатаны впорымъ изданіемъ и сочиненія *Таддея Булгарина* въ 12 частяхъ. Здѣсь находятся статьи повѣствовательныя, Историческія, иногда довольно занимательныя; но большую часть помовъ сихъ составляютъ статьи *о нравахъ*, писанныя обыкновенно къ спѣху для наполненія журнальной пустошы. Давно оцѣнено лишпературное

XXVIII

достоинство сихъ сочиненій ; давно *безжизненность* признана за оплывчельный ихъ характеръ. И въ новыхъ спашьяхъ Г. Булгаринъ не пошелъ ни впередъ, ни назадъ, а шакъ, по прежнему. Мы охотно раздѣляемъ мнѣнiе Г. Булгарина о немъ самомъ (Дм. Самозв. изд. 2), что онъ *писатель не совсѣмъ бездарный*, и что *созиненiя его имѣють нѣкоторое достоинство*. Мы даже гошovy о достоинствѣ, успѣхѣ, цѣли ихъ судить судомъ Сѣв. Пчелы; и вопъ новѣйшее на сей случай ея постановленiе (см. N° 29 С. Пчелы). « Авто- «ры, Кришики, Журналисты не шолько «не имѣють права гнѣваться за шо, «что ихъ *побранивають* въ публикѣ: на- «прошивъ шого, должны радоваться, «ибо это *лучшiй знакъ*, что ихъ ги-

«*тають*, слѣдовашельно цѣль ихъ до-
«*спигнуша.*»

Въ слѣдствіе сего , необходимо за-
ключишь , что сочиненія Г. Булгарина
весьма гитаются Публикою , и что ихъ
разхожесть сосшавляешъ главную цѣль
Автора.

Въ семъ отношеніи , нельзя не опдашь
ему должной справедливости ; нельзя
не благодарить его за новое изданіе ,
за эшотъ годичный курсъ провинціаль-
наго чшенія , полагая по одному шѳму
на мѣсяць ; нельзя не хвалишь его за
языкъ : языкомъ онъ превзошелъ очень
многихъ природныхъ Россіянъ , и доволь-
но чисшая проза его можешъ принести
пользу , пріучая къ правильности Рус-
скаго языка полуграмашныхъ его чи-
шашелей.

Въ семь году вновь напечатана Исторія *Ваньки Каина*, — известнаго мошенника и сыщика, издавна принадлежащая къ народному чтенію и замѣчательная по многимъ чертамъ того времени, и по оспашкамъ шехническаго разбойничьяго языка.

Въ С.Пб. напечатано вновь нѣсколько любопытныхъ старинныхъ (не народныхъ) стихошвореній въ книгѣ, названной *Старизекъ весельякъ*, рассказывающей давнія Московскія были. Жаль, что у насъ все еще не довольно дорожатъ словесными памятниками старины и народности нашей!

Г. Книгопродавецъ Смирдинъ, оказавшій услугу публикѣ новымъ изданіемъ Басень Крылова, напечаталъ также дешевое изданіе *Исторіи Государств-*

ва *Россійскаго* Карамзина — послѣд-
няго *Лѣтописца* и перваго *Историка*
Россіи. (*).

Изъ новыхъ историческихъ сочиненій
изданы два тома *Исторіи Русскаго на-*
рода, въ коей Г. Полевой намѣренъ
представитъ жизнь всего народа, какъ
жизнь одного челоѣка, какъ развитіе
единой идеи: слѣдственно, предста-
витъ первый опытъ философической
Исторіи Россіи. — Сей трудъ Издашеля
Телеграфа (особенно предисловіе и по-
священіе) былъ главнымъ предметомъ
годовой полемики журналовъ.

(*). Онъ же, какъ слышали мы, издаешь соч.
Державина. Говоря объ услугахъ книгопродавцевъ
Липшерашуръ, должно отдать справедливую по-
хвалу Г. Ширяеву за изданіе Тэера.

Г. Баншышь - Каменскій напечаталъ 2-мь умноженнымъ изданіемъ *Исторію Малой Россіи*, въ 3-хъ томахъ : симь сочиненіемъ Лѣтопись бывшей Малороссіи получила *документальную* основательность.

Ө. Н. Глинка напечаталъ нѣсколько любопытныхъ оспривковъ изъ своей *Исторіи 1812 года*.

Гг. С. Н. Глинка, Булгаринъ и друг. издали нѣскольхо книгъ, относящихся до Турціи и нашей войны съ оною.

Теорія Словесности въ эшомъ году сдѣлала нѣкошорыя пріобрѣшенія. Главное изъ нихъ 2-я часть *Исторіи Древней и Новой Литтературы*, Ф. Шлегеля, въ переводѣ довольно близкомъ, но не довольно ясномъ. — Г. Галичь издалъ

Теорію краснорѣчія, въ коей формальность перевѣшиваетъ сущность.

Г. Кронебергъ въ Харьковѣ началъ издавать *Брошюрки*: въ напечатанной изложена Исторія Эспешики.— Всѣ эпическія сочиненія принадлежатъ къ школь Германской.

Г. Гречъ напечаталъ 2-мъ изданіемъ *Учебную книгу Русской Словесности*, полезную въ преподаваніи множественнымъ ссылкамъ и примѣровъ; самое же ученіе его о Словесности, давно бы пора опадать на выжигу. Желательно, чтобы Авторъ издалъ свою, вѣроятно шеперь умноженную и исправленную, *Исторію Литтературы* нашей, у насъ единственную, очень полезную для справокъ.

Липшерашурная Газета сглазила Московскіе журналы, сказавъ, что они *живуци*; полько Московскій Телеграфъ, да Дамскій Журналь уцѣлѣли; оспальные же — и старъ и младъ — всѣ слагаюшъ съ себя бремя жизни. Будущему Историкъ Липшерашуры предлежишъ показашъ по вліяніе, какое покойники имѣли всею своей жизнію на нашу Липшерашурю; мы же въ годичной опмѣнкѣ своей можемъ коснушъся ихъ, въ семъ опношеніи, полько за сей предсмертный годъ ихъ.

Историческій и Политическій Журналь, сей вешеранъ между журналами, говорилъ намъ о полишикѣ по прежнему, не забошясь блеснушъ новостію. —

Вѣстникъ Европы, уже нѣсколько лѣшъ жившій въ уединеніи, въ послѣдній

годъ явился съ новымъ девизомъ: *стоять и правду говорить!* — и довольно таки посудилъ о *безпомощной* Липшерашурѣ нашей. Трогашельно было слышашь, когда онъ, послѣ благоугодныхъ шрудовъ, запѣвая спарую пѣсню свою о Поэзіи Пушкина, совѣшоваль ему сжечь Бориса Годунова... Такъ спарцы-ошщельники, въ мирной пустынѣ своей, толкуюшъ о суешѣ давно ими осшавленнаго міра! — Въ эшомъ году Историческому журналу свершилось 40, а Вѣспнику Европы 28 лѣшъ.

Журнальную молодежь составляли: Московскій Вѣспникъ, Апеней и Галашея. Всѣ они *погодки*; спаршему было шолько чешыре года: эшо *Московскій Вѣспникъ*. Въ семь году онъ опяшъ приняль

прежнюю форму, и содержаніемъ не разъ заспаивалъ вспомнать о первой половинѣ своей жизни — о золотомъ вѣкѣ своемъ. Отъ чиншателей не укрылось, что въ немъ довольно было и обѣщанной работы *Цѣпа молотящаго*.

Атеней дарилъ насъ оригинальными спашьями изъ Физики; полезно касался и текущей Литперашуры нашей; но болѣе занимался *новостями Африканскими*.

Галатя щеголяла болѣе модными каршинками, чѣмъ Словесностью; не разъ измѣнялась въ своемъ видѣ и шолщинѣ, и наконецъ кончилась вѣторою частію Поэмы *Андрей Переяславскій*. Литперашоры будущъ благодарны Издашелю за сей поэпическій конецъ; но

какъ это покажется модисшкамъ? — Къ Галашеѣ нѣсколько разъ привязаны были крипическіе листки, подъ именемъ *Аргуса*, хопя гораздо бы приличнѣе имъ называшься *Полифемомъ*, какъ по отношенію къ Галашеѣ, шакъ и поодиночеству своего крипического глаза, въ кошоромъ какъ бѣльмо была Испорія Русскаго Народа.

Такова была послѣдняя жизнь сихъ журналовъ!—Среди опустѣнія сего ошались шолько Московскій Телеграфъ и Дамскій Журналь, какъ сказали мы выше. *Дамскій Журналь* въ семь году былъ досшойнѣ своего названія, чѣмъ прежде, помѣщая жизнеописанія женщинъ и чуждаясь полемики, кошорая иногда почти доходила до шѣхъ народныхъ междомешій и поговорокъ, конхъ условились

XXXVIII

не произносишь при нѣжномъ полѣ, и коихъ непозволенность прикрывали иногда почками. Вошь на пр. какъ изъяснялся одинъ журналъ. « *Г. П. съ позволенія сказать, Литтературный...* » Или: « *Ахъ онъ...!* » Въ Дамскомъ журналѣ никогда не было ничего подобнаго. — *Московскій Телеграфъ* и нынѣ превосходитъ прочіе журналы разнообразіемъ, объемомъ и дѣятельностію своею. Измѣнился онъ только въ слѣдующемъ. Извѣстные писатели наши (коихъ многіе журналы на своемъ шехиническомъ языкѣ называютъ *Знаменитыми, Аристократами*) въ семь году сдѣлались предметомъ его нападеній; между тѣмъ какъ Гг. издатели *С. Пчелы* все еще находили въ немъ защиту и поддержку. Такая переменна произвела особое полеми-

ческое направлѣніе Телеграфа, придала кришикамъ его несправедливое ожесточеніе прошивъ *именитости* писашелей.

Живописецъ Телеграфскій сначала довольно позабавилъ своимъ *литтературнымъ зеркаломъ*; но въ послѣдствіи спряхаль оное, и хорошо сдѣлалъ.

Кромѣ сихъ журналовъ, въ Москвѣ не издавалось ни одной Газеты, исключая не лишпературныя *Московскія Вѣдомости* и *Вѣдомости о состояніи Москвы* во время холеры (*).

(*) Духъ полемики и здѣсь проявился, именно : въ неумѣренномъ возраженіи Г. Лодера на несправедливое мнѣніе Г. Рейса объ употребленіи жлора. *Изд.*

Въ С. Петербургѣ напрошивъ того болѣе газешъ, чѣмъ журналовъ. Замѣшимъ только относящіяся къ Липшерашурѣ.

Появившаяся въ семь году *Литтературная Газета* заняла первое мѣсто. Она опличчалась *прилигiемъ*, которое не помяшно и неумѣстно на сборищахъ народныхъ; опличчалась, не безприсрасшiемъ, но шѣмъ *равнодушiемъ*, которое невыносимо для подсудимаго. Она соспожала изъ спашей вообще хорошихъ, писанныхъ и переводимыхъ слогомъ правильнымъ и образованнымъ. Много было въ ней блестящихъ спраницъ, въ коихъ нельзя не узнать вельможныхъ владѣльцовъ Русскаго слова. Но съ эшимъ вмѣстѣ въ Газетѣ Липшерашурной былъ ошущишелень недосшашокъ шой быспрошы

въ движеніи, того разнообразія, копорья составляютъ главный интересъ всякой газеты. Зная, что въ Газетѣ приняли главное участіе люди не только одаренные талантами, но просвѣщенные и образованные, мы ждали отъ нея больше, чѣмъ нашли. Отъ чегоже? Не уже-ли отъ того, что Газета есть *Литтературная*, а въ Липпературѣ нашей мало явленій собственныхъ, гдѣ бы кришика могла развиться и процвѣсти. Но для Газеты предстоялъ еще цѣлый міръ Липпературы иностранной, современной . . . . . и она мало черпала изъ сихъ источниковъ; переводила больше повѣсти, и представляла запоздалыя немѣстныя и до странности оригинальныя *размышленія и разборы* Г. Кашенина.

Изъ прехъ плохихъ липшерашурныхъ журналовъ Пешербургскихъ безспорно лучшей естъ *Сынъ отечества* и *Съверный Архивъ*. Онъ былъ въ семь году оживленъ прекраснымъ *Везеромъ на Кавказскихъ водахъ* и *Эпиграммой* Пушкина на Булгарина (*Не то бѣда, что ты Полякъ* и пр.). Въ № 1 Г. Булгаринъ помѣспилъ свое (изданное послѣ ошдѣльно) *жизнеописаніе Грибоѣдова*, гдѣ чпшатели нашли весьма вѣрный портретъ сего замѣчательнаго челоѣка, гравированный Г. Ушкинымъ. Все оспальное въ *С. О.* не превышаетъ посредспвенности; даже языкъ у него шеперь весьма нечиспъ. — *Альдебаранъ* его былъ вшорой шомъ Телеграфскаго Живописца. —

Отегественныя Записки и *Славянинъ* были съ прежними качеспвами; оба въ

семь году прекрашились; испустили духъ. Въмѣсто Славянина Г. Воейковъ будешь издавашь *Литтературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду*. —

Кромѣ сего въ Пешербургѣ издавались еще двѣ газешы лишперашурныя. Одна изъ нихъ *Бабозка*—дневникъ новосшей; другая *Сѣверный Меркурій*, издаваемая Г. Беспужевымъ—Рюминымъ. Въ сей послѣдней газешѣ сужденія, шонь и языкъ споль неблагоприличны, сколько могушь бышь такими въ печати. Чшо касаеться до *Сѣверной Пчелы*, шо эша газета собшвенно не принадлежитъ къ Лишперашурѣ.—Медь, приносимый С. Пчелою, соспавляюшь полящическія и официальные извѣспія: ими занимательна она; шолько для нихъ

она выписывается. Для Литшературы у С. Пчелы есть только жало, и вся ея полемика носитъ на себѣ признакъ какого-то болѣзненнаго, воспалительнаго мешанія. Крипику въ С. Пчелѣ (какъ и во всемъ пчельникѣ) замѣнила *Тактика Литтературная*, честь изобрѣшенія и усовершенія коей (по розысканіямъ Г. Шевырева) принадлежишь Издашелямъ Пчелы, за коими общее мнѣніе давно ушвердило и привилегію на сіе изобрѣшеніе. Нѣчего говорить о правилахъ оной тактики; но должно сказать, что никогда Пчела такъ не пользовалась своею привилегіей, какъ въ семь году. — Ея поведеніе Литшературное было столь *особенно*, что лѣтопись наша не можешь дать поняшія о томъ, не вошедъ въ подробности; и обвинительная хро-

ника Пчелы необходимо будешь Chronica scandalosa (*).

(*) Не говоря о томъ, съ какимъ неприличіемъ, съ какою забывчивостію, неблагонамѣренностію опзывалась она — по *известнымъ* причинамъ, о Гг. Сомовѣ, Загоскинѣ, Кирѣевскомъ, Кн Вяземскомъ, Языковѣ, Барашинскомъ, Дельвигѣ. . . замѣшимъ объ ней въ отношеніи къ Пушкину, предъ коимъ она всегда падала *до ногъ*, даже въ семь году, до появленія въ Липшературной Газетѣ кришики на Димитрія Самозванца. Тамъ, скучный романъ сей оцѣненъ какъ *слѣдуетъ* и сказано: *что мы съ большимъ удовольствіемъ проѣли бы повѣсть о твоихъ временахъ, соименную писателемъ Русскимъ*. Спашья сія, писанная Дельвигомъ, приписана была Пушкину: и по выходѣ VII главы Онѣгина, въ С. Пчелѣ помѣщена на него спашья, которая начинается *эстетическимъ* *допросомъ*: зачѣмъ Пушкинъ, създивъ за Кавказъ, не печашаетъ поэмъ и одъ на великіе подвиги Русскихъ воиновъ, а издаетъ Онѣ-

Кромѣ сихъ журналовъ на слѣдующій годъ объявлены: *Журналъ иностранной*

гина?—Послѣ того крипикъ *такъ* изъясняешся (см. N. 35-й.) »Мы сперва подумали, что это »миссификація, просило шушка или пародія, и »не прежде увѣрились, что эта глава VII есть »произведеніе Пушкина, пока книгопродавцы »насъ не убѣдили въ эпомъ. Эта глава VII ис- »пещрена такими стихами и балагурствомъ, »что въ сравненіи съ ними даже Евгений Вель- »скій кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло.— »Сердцу больно, какъ взглянешь на эту безцвѣт- »ную каршину! Ни одной мысли въ этой водя- »нистой VII главѣ, ни одного чувствованія, ни »одной каршины доспойной воззрѣнія! Совер- »шенное паденіе, *Chûte complete!* «—

Но не ужели Пчела забыла, что въ 1828 году она просила у Пушкина *позволенія* перепечата- шать отрывокъ *сей сальной VII главы Ондена* изъ Московскаго Вѣстника, гдѣ сдѣлано было при печашки?... Пушкинъ *позволилъ* ей

Словесности и изящныхъ художествъ и при немъ Эхо, Г. Волковымъ; *С. П. буржскій Вѣстникъ; Колокольчикъ; Гирлянда...* всего 14 новыхъ журналовъ и газетъ, въ томъ числѣ 3 Нѣмецкіе.

и она помѣспивъ опривокъ сей, восклицала : „Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина (NB съ „его позволенія!) никогда не можетъ быть „излишнимъ!“ — А шеперь она оскорбляетъ шого Поэша, чья поэзія содѣлалась любовью народною и слѣд. оскорбляетъ любовь нашу, оскорбляетъ себя, понося предъ публикою то, чему незадолго всенародно поклонялась, какъ язычникъ своему кумиру!— Такъ и названіе знаменитыхъ, кошорымъ нашихъ лучшихъ писателей величала она : шеперь сама же эшимъ словомъ попрекаетъ ихъ; ея собшвенная похвала спала насмѣшкою въ ея же успахъ; сама она смѣется своей (мнимой) ошибкѣ.

Для полнопы журналистики нашей мы должны еще упомянуть о *Казанском Вѣстникѣ*, въ которомъ помѣщалось много любопытныхъ извѣстій о Россіи. —

Къ числу періодическихъ изданій относясь и Альманахи, получившіе у насъ особенное значеніе : въ альманахѣ прилично изъяснишь оное.

Журналъ есть *дневная* записка о событіяхъ міра Литтературнаго. Главное его достоинство *современность и движеніе*. Поелику же мы не богаты еще собственными событіями, то литтературный журналъ едва ли не большую часть свою долженъ заимствовать изъ журналовъ иностранныхъ, впрочемъ спашьями не лежалыми, но такими, коихъ шакъ сказать не просыль еще слѣдь; безъ сего *относительнаго* достоинства, въ

наше время не выиграешь журналъ, какими бы хорошими спашьями ни наполнялся. Опъ журналовъ спали шребовашъ шого, чего шребовали только опъ Газешъ. — Не говоримъ объ журналахъ ученыхъ, относящихся къ одной какой либо опрасли знанія. У *гашнаго рабогаго геловъка* не доспанешъ ни силъ, ни средствъ, пошребныхъ дѣйшвишельно-полезнаго исполненія; и такіе журналы могушъ шолько издавашъся учеными на счешъ Правшшельсшва, коего издержки и пожершвованія окупающя въ просвѣщеніи гражданъ.

Собшвенныя произведенія малошродной нашей Литшперашуры шонущъ въ книжкахъ журналовъ.

Такъ спшхошворенія, сосшвляющія

Л

красоту альманаха, утратили свое достоинство въ журналѣ. Какого бы они качества и Автора ни были, журналъ ими не дѣлаешь успѣховъ: это видѣли мы на Московскомъ Вѣспникѣ.

Вторую принадлежность альманаха составляютъ повѣсти и другія спашьи прозаическія *оригинальныя*, исключая развѣ переводныя съ языковъ Азіатскихъ. Въ журналѣ, какъ видѣли выше, выходятъ почти наоборотъ.

Всѣ эти природныя цвѣты нашей Словесности лучше сохраняются въ альманахѣ: ихъ-то сборнымъ мѣстомъ, *годичною выставкою* сдѣлались альманахи.

Библиографія журнальная сокращается въ альманахъ *въ краткій отчетъ* о Липшерашурѣ за весь годъ. Чпо касается до картинокъ, кои составляютъ красу альманаховъ иностранныхъ, то у насъ для сего нѣтъ надлежащихъ средствъ.

Такое значеніе имѣють у насъ альманахи, по вліянію той звѣзды, подъ копорою зачались они на Русской землѣ. При сихъ только качествахъ альманахи у насъ имѣють успѣхъ, какъ на пр: Сѣверные Цвѣты. Племя альманашное множится съ 1823 г.; хотя только два, съ тѣхъ поръ, ежегодно появляются, между тѣмъ, какъ прочіе рѣдко являлись болѣе одного разу.

Липшерашурѣ собирается въ альма-

нахи въ С. Пешербургѣ и Москвѣ; но замѣчательно, что въ С. Пешербургѣ даюшъ имъ имена болѣе *цвѣтогныя*: Сѣверныя Цвѣпы, Подснѣжникъ, Букешъ; Московскіе же альманахи заимствуюшъ имена изъ міра *надземнаго*, Астрономическія, Физическія: Радуга, Денница, Комеша, Эхо, — Уранія, Сѣверная Лира, Сѣверное сіяніе, Цефей, Зимцерла. Предоставляя другимъ объясняшъ изъ сего различіе между Москвою и Пешербургомъ, изчислимъ самыя альманахи, на 1831 годъ изданныя.

Сѣверныя цвѣты — могушъ сказать другимъ альманахамъ: *друзья, я Несторъ между вами*, ибо являюся уже 7-й годъ. Но они занимаюшъ первое мѣсто и по достоинству и красѣ своей. — Особен-

но роскошны были, по обыкновенію, стихотворною частію.

Невскій альманахъ равесникъ С. Цвѣшамъ по рожденію, младшій по достоинству, въ семь году явился неукрашенный (сверхъ обыкновенія) каршинками; за то былъ богатъ *Сказками о кладахъ* Г. Сомова.

Царское село, изданное Гг. Коншинымъ и Барономъ Розеномъ, всего болѣе понравилось повѣстью Барона Розена *Розалія* и хорошо липографованнымъ портретомъ Барона Дельвига.

Подснежникъ, такъ красиво разцвѣтшій въ предшедшую весну, нынѣ едва пробился.

Театральный альманахъ былъ шак-

же гораздо хуже прежнихъ альманаховъ въ семь родѣ.

Именемъ альманаха заблагоразсудилъ означить сочиненія свои Гг. Трилунный и Пешровъ. Первыя называются просто *Стихотворенія Трилуннаго*. — Г. Пешровъ назвалъ свои стихотворенія *Весенними цвѣтами* ; но эти изданные въ Москвѣ цвѣшпы и не красивы, и безуханны. Скорѣе въ число цвѣшпыхъ альманаховъ можемъ внести *Селамъ или языкъ цвѣтовъ* , красивый шуалешный подарокъ нѣжному полу отъ Г. Ознобишина. Стихотворную повѣсть въ Селамѣ прочтешь съ удовольствіемъ ; чтожь касается до самаго *языка цвѣтовъ* , то для меня онъ вразумишелень не болѣе *Китайскихъ гіероглифовъ*.

Альманахъ анекдотовъ естъ не подарокъ, а находка для рассказчиковъ.

Прежде всѣхъ альманаховъ появилась *Радуга*. Едва ли гдѣ собиралось вдругъ такое число дѣйствующихъ лицъ, и сколько музыки. Ее издали въ Москвѣ Гг. *Араповъ* и *Новиковъ*.

Послѣ Радуги явилась *Денница*; а потомъ по небосклону словесному пронеслась *Комета*, изданная Г. Селивановымъ.

Эхо опличилось шѣмъ, что всѣ спашьи были безъ подписи ихъ сочинителей; хотя въ числѣ ихъ много было извѣстныхъ.

Кромѣ сихъ альманаховъ, вышло еще нѣсколько альманаховъ дѣтскихъ. *По-*

дарокъ дѣтямъ на Святую Пасху, соч. Протоіерея Мансвешова, имѣеть большое достоинство по содержанию и изложенію. — *Майскій подарокъ для дѣтей*, состоящій изъ трехъ повѣстей Г. Сомова, писанныхъ съ его обычнымъ умѣньемъ. Къ новому году изданъ *Московскій альманахъ для юныхъ Русскихъ согражданъ*, С. Н. Глинкою. — Здѣсь кспашн замѣшимъ, что у насъ очень еще мало обращаютъ вниманія на книги для дѣшей, составляющія обыкновенно предметъ спекуляцій книгопродавческихъ. Что за *сбродъ*, которымъ на пр. Логиновъ, съ помощію Г. Пеше, снабжаетъ провинціи!... — Самый журналъ, подъ именемъ *Библиотеки дѣтской*, издаваемый Г. Борисомъ Федоровымъ, можетъ ли занять дѣшей съ пользою? . . . Изъ вы-

шедшихъ въ семь году для дѣтскаго чтенія книгъ замѣшимъ шрешью часшь превосходныхъ *Повѣстей для дѣтей*, переводимыхъ на Русскій языкъ двумя Россіянками. Замѣшимъ еще *Направленіе для ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели*, изданное Г. Побѣдоносцевымъ, и *Гильбертовы гимны*, переведенные съ Англійскаго Г. Огинскимъ.

Чтобы окончить обзорніе періодическихкихъ изданій, должно сказать еще, что въ семь году вышла 2-я часть *Повременнаго изданія Россійской Академіи*. —

Симъ оканчивается и крашкая лѣтопись наша о Словесности 1830 года. Закключаемъ оную желаніемъ скорѣйша-

го, успѣшнѣйшаго исполненія предположенному въ семь году учрежденію во всѣхъ Губернскихъ городахъ Библіотекъ чшенія. Ни одинъ благомыслящій издатель конечно не откажется жертвовать 50 экземпляровъ своего изданія, потребныхъ для сего заведенія, которое принесетъ несомнѣнную пользу Словесности нашей и просвѣщенію Россіи.

1831. Января 5.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?—
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечпы;
Кшо дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ;
Не ухищрялся прошивъ брата
И на врага не клеветалъ.
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И свящъ , о Боже , нвой избранныкъ!
Мечемъ ли руку ополчишь :
Белѣнй Господа посланникъ ,
Онъ исполина сокрушишь,
Въ вѣнци ли онъ : его народы
Возлюбяшь правду ; весь и градъ
Взыграють радостью природы
И нивы злапомъ закипають.
Возмешъ ли арфу : дивной силой
Духъ преисполнился его ,
И какъ орелъ ширококрылой
Взлетишь до неба швоего.

Н. Языковъ.

БѢЛЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ,
ИЛИ
НЕВОЛЬНОЕ СУЕВѢРІЕ.
(Р а з с к а з ъ .)

Я былъ на одной деревенской вечеринкѣ, гдѣ собралось довольно большое общество. Рѣчь зашла о духахъ и привидѣніяхъ. Гусь были дѣши. «Не должно никогда говорить при маленькихъ о вещахъ такого рода — сказалъ одинъ изъ госпей. Все страшное и чудесное, какъ бы оно впрочемъ нелѣпо ни было, слишкомъ сильно дѣй-

ствуетъ на ихъ воображеніе , между шѣмъ какъ незрѣлый умъ ихъ не въ силахъ еще опличить небылицы опъ истины. Я не дия — прибавилъ онъ, усмѣхнувшись — но со мной недавно былъ случай, который чуть чуть не свѣлъ меня съ ума и едва не заставилъ вѣришь всѣмъ рассказамъ нянюшекъ и мамушекъ. Если угодно, я расскажу его вамъ. »

Гость , говорившій такимъ образомъ, былъ человекъ несуетверный и сверхшого хорошо образованный. Это еще болѣе возбудило любопытство присутствующихъ. Всѣ подвинулись ближе къ нему. Онъ поправилъ свой галсучъ , выпрямился на спулѣ, откашлялся и началъ.

Въ прошлую осень , когда я жилъ въ дальней деревнѣ, одинъ мой зна-

комой — веселый, любезный старикъ, но суевѣрный до чрезвычайности — пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ поохотничать. Проѣздивъ цѣлый день съ собаками и возвратившись съ поля озябшіе, промоченные до костей, устали мы въ залѣ прошивъ каминъ, въ которомъ пылалъ огонь. Это было въ темный и бурный Сентябрскій вечеръ. Насъ собралось человекъ шесть: одинъ отставной Полковникъ, отставной же Поручикъ, я, хозяинъ нашъ, учитель живущій у него, и приказный изъ уѣзднаго городка. — Кипо бывалъ въ передѣлѣ у дождя и вѣпра, пошъ знаешь, какъ пріятно послѣ того войши въ теплую комнату и подѣсь къ огоньку. Скоро всѣ неудовольствія, кошорыя вышерцѣли мы ошъ дурной по-

годы, были забышы, и за спаканами чаю пошли веселые разговоры объ охотѣ. Только одинъ хозяинъ нашъ все еще былъ въ дурномъ расположеніи духа и, казалось, съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ прислушивался къ порывамъ бури и шуму ливня, копорый билъ въ окна.

— Ты хошѣлъ ѣхать домой — сказала онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ — не угодно ли шеперь прогуляться ?

— А что же такое — опивѣчалъ я; если бы мнѣ была крайняя надобность ѣхать, я бы вѣрно не испугался ни дожда, ни бури.

— Ты еще, братъ, не видывалъ страху — прибавилъ старикъ съ значительнымъ видомъ.

— А позволите узнать—спросилъ Полковникъ — какого рода страхъ могъ бы

онъ увидѣшь, если бы поѣхалъ шеперь? Правда, что ночь темна; но шуть такъ близко, да и дорога же такъ знакома, что мудрено пошерять ее.

— Ну, за это не ручайся— продолжалъ хозяинъ, — иногда и за полверсты не доѣдешь; особливо когда попадешся шоварищъ, кошорый вздумаешъ поводитишь по полю.

— Какъ шоварищъ? — спросилъ Полковникъ.

— Да! знаешъ ли, что нынѣшнимъ лѣпомъ случилось съ моимъ кучеромъ? Мнѣ понадобилось послашь въ одну деревню, отсюда вершь за десяшь. Это было въ Юлѣ мѣсяцѣ, въ самые жары, и я ошправиль его въ ночь. Вопшь онъ ѣдешъ верхомъ и поцѣваешъ себѣ пѣсенки; только вдругъ, въ эшихъ самыхъ кустикахъ,

кошорыми давича равнялись мы — вышелъ на дорогу какой-то прохожій, съ кошомкой за плечами и съ палочкой. «Ты, пріятель, куда идешь?» спросилъ, его кучерь. — Да вошь не далеко, до Козловки. — «Такъ спало намъ по дороге?» — А развѣ и ты шудаже?—«Туда.» —Ну такъ спупай за мной; теперь ночная пора, двоимъ-то всё охошнѣе. — Тушь онъ замолчалъ и пошелъ впереди. Кучерь молча поѣхалъ за нимъ и дивился скоростн ходока, за кошорымъ шагисная лошадь съ шрудомъ поспѣвала. Разсуждая объ эшомъ, онъ не прежде опомнился, какъ увидѣвъ передъ собою лѣсь, и тогда шолько замѣшилъ, что шоварищъ ведетъ его совсѣмъ не дорогой. — Эй! брашъ —закричалъ онъ—какой же эшо лѣсь?» — Эшо лѣсь Воскресен-

скій. — « Эге ! вѣдь мы верспъ пяшь опбились въ сторону ! . . Да постой же ! Куда жь ты идешь : развѣ намъ сюда надобно ? » — Въ самомъ дѣлѣ мы прошиблись не много — сказала пѣшеходъ ; ну, да поворачивай на право : мы сей часъ опяшь выберемся на дорогу. — « Да что за чершовщина , ты такъ скоро идешь , что я не могу догнать тебя. » — Вольно же тебѣ жалѣшь свою клячу ! — Кучерь поѣхаль рысью къ проводнику своему, но топъ всё шель впереди и всё въ одинаковомъ разспоянїи. « Экой рѣзвой ! подумаль онъ. — Однакожь я догоню тебя » — и поскакаль за нимъ во весь духъ . . . Вдругъ лошадь его форкнула, опшашнулась въ сторону и оспановилась на крупомъ берегу рѣки , надъ самымъ омушомъ ; а проводникъ захохо-

шаль шакъ громко и спрашно , что у кучера волосы спали дыбомъ. Онъ перекрестился — проводникъ исчезъ. . . На дворѣ начинало разсвѣтать , и кучерь увидѣлъ себя подлѣ мѣльницы , верстѣ за 15 отъ той деревни, куда я послалъ его. . .

— А кто тебѣ рассказывалъ эту сказку ? спросилъ Полковникъ. Вѣдь самъ же кучерь ?

— Разумѣется. И вмѣсто того, чпобы пріѣхать на другой день по утру , какъ я ожидалъ его, онъ возвратился ужь къ вечеру.

Полковникъ улыбнулся.

Понимаю, что ты думаешь — сказалъ хозяинъ , замѣшивъ улыбку его. Но воля ваша, господа , а въ природѣ право есть вещи непоспимыя. Самъ

я, собственными глазами, видѣлъ такое чудо, котораго исполковать нельзя. — Лѣтъ ужъ 20 тому назадъ, ѣхалъ я однажды съ праздника. Это было весною и передъ вечеромъ. Только, подъѣзжая къ Красному острову — вы всё знаете это мѣсто, о которомъ рассказываютъ столько чудесъ — вижу, что по опушкѣ его идеть человекъ въ сѣромъ кафтанѣ, песпрой покромкой подпоясанъ, и роспомъ — съ лѣсомъ наравнѣ. . . . Сначала я думалъ, что мнѣ такъ кажется; но, вглядываясь пристальнѣе, увѣрился наконецъ, что вижу этаго человека такъ же хорошо, какъ васъ шеперь. . . . Какъ ты думаешь, кто бы это шель вонъ тамъ возлѣ лѣса? спросилъ я у моего кучера. — Гдѣ, сударь? — сказала онъ, вышаращивъ глаза

и поглядывая во всѣ стороны. Я ничего не вижу, да шамь и нѣшь никого. — Ну пошоль, пошоль! закричалъ я, спуча зубами, какъ въ лихорадкѣ; пора домой! А между шѣмъ всё изкоса посмашриваль на долговязаго, и онъ всё былъ въ глазахъ у меня, до шѣхъ поръ покамѣстъ мы не заѣхали за уголь лѣса. — Вы можете бытъ подумаете, что я лгу; но за мной ѣхаль одинъ мой знакомый, съ которымъ мы вмѣстѣ были на праздникъ; онъ живъ еще; спросите его, и онъ вамъ скажетъ, что видѣлъ шочно шоже; а люди наши ни чего не видали. Теперь прошу исполковать, что бы эшо значило?..

Мы не хотѣли спорить съ спарикомъ, который рассказываль намъ шакія диковинки; но Поручикъ однакожь

замѣшилъ, что онъ рѣшительно ничему не повѣришь до тѣхъ поръ, покамѣспъ самъ не увидишь какого нибудь явленія.

— Вѣрише ли вы по крайней мѣрѣ тому — спросилъ учитель что умершіе могутъ являться, и всего чаще показывающае тѣмъ людямъ, копорыхъ въ жизни любили они?

Поручикъ сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Объ эшомъ много рассказывали и даже писали — продолжалъ учитель; но я не буду приводить примѣровъ, можеть быть уже извѣстныхъ вамъ, а расскажу исторію, копорая мнѣ самому очень памятна. — Въ селѣ, гдѣ я родился, у пономаря умерла жена, женщина довольно еще молодая и пришомъ

любимая имъ до чрезвычайности. Съ вечера, наканунѣ погребенія, вынесли ее въ церковь. Пономарь, не смотря на всю свою горесть, самъ читалъ Псалтирь по покойницѣ, попеременно съ дьячкомъ. Такъ прошла большая часть длинной, осенней ночи; но передъ свѣтомъ дьячку понадобилось за чѣмъ-шо сходитьъ домой, и пономарь остался въ церкви одинъ. Находя себѣ отраду въ молитвахъ, произносимыхъ имъ за упокой души усопшей, онъ продолжалъ свое чтеніе тихимъ и протяжнымъ голосомъ, прерываемымъ по временамъ слезами, выступавшими на глазахъ его. Вдругъ послышался ему легкій шорохъ. Церковь была слабо освѣщена: одна маленькая свѣчка горѣла передъ образомъ, стоящимъ въ голо-

вахъ мертвой, другая была въ рукахъ у пономаря. Въ страхѣ взглянулъ онъ на покойницу, и ему показалось, что покровъ ея шевелился. . . однакожь черезъ минушу шорохъ зачихъ, и пономарь началъ думать, что глаза и слухъ его обманули. Снова принялся онъ за чтение, какъ опять тотъ же шорохъ послышался гораздо явственнѣе, образъ, сшоявшій въ головахъ мертвой, съ громомъ полетѣлъ на полъ и свѣча горѣвшая передъ нимъ погасла. Испуганный церковникъ, оглянувшись, увидѣлъ за собой что-то бѣлое, вскрикнулъ, уронилъ послѣднюю свѣчку, бывшую у него въ рукахъ, и оставшись въ совершенной темнотѣ, опрометью бросился съ клироса. Но въ то самое время, когда онъ поровнялся съ одромъ,

на кошоромъ стояль гробъ, почувство-
валъ что кто-то удерживаетъ за полу
кафтана. Оледенѣвъ отъ ужаса, бѣд-
ный пономарь употребляетъ всѣ силы,
стараясь вырваться изъ невидимыхъ
рукъ. Наконецъ кафтанъ его прещипъ,
онъ освобождается и, увлеченный соб-
ственнымъ усиліемъ, падаетъ къ две-
рямъ церкви; а за нимъ, въ пуге ми-
нупу, раздался спрашный стукъ и
прескъ, какъ бы что-то валилось и
обрушивалось. Въ полубезпамятствѣ,
выползъ онъ въ дверь, скапился съ
крыльца и добравшись до веревки боль-
шого колокола, спущенной съ колоколь-
ни, началъ бить въ набашъ, не зная
самъ, что дѣлаетъ. На этотъ звонъ
сбѣжалось почти все село. Пономарь не
могъ ничего рассказать, потому что

лишился чувствъ; но люди вошедшіе въ церковь увидѣли, что гробъ былъ опрокинутъ, а покойница лежала на полу, только холодна, недвижима не показывая ни малѣйшаго признака, жизни. Суевѣрный страхъ овладѣлъ всѣми; никто не смѣлъ подойти къ ней, никто не могъ понять, что такое случилось, и даже до сихъ поръ это происшествіе осталось загадкой. Правда, иные говорили, что образъ и свѣчку опрокинула кошка, прокравшаяся въ церковь; другіе, что сова, которую будто бы и видѣли, когда она вылетѣла опшуда; что бѣлое, напугавшее пономаря, было не иное что, какъ полощенце, висѣвшее позади его, и что наконецъ, выбѣгая изъ церкви, онъ самъ въ темнотѣ за что-то зацѣпился: — но

всё это были одни только предположения и догадки. Вѣрнаго никто не зналъ; а между тѣмъ пономарь клялся и божился, что видѣлъ лично жену свою вставшую изъ гроба, даже чувствовалъ, какъ схватила она его холодными, окостенѣлыми руками. — Долго послѣ того мечтался ему по ночамъ призракъ покойницы, и испугъ его былъ такъ силенъ, что онъ цѣлыя шесть недѣль пролежалъ въ горячкѣ. —

Хозяинъ нашъ выслушалъ исторію учителя съ большимъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. — Господа — сказалъ онъ — я также готовъ пообожиться, что пономаря напугала не сова и не кошка. Мнѣ самому часомъ представляется одинъ мой пріятель, который умеръ недавно. Покойникъ дол-

го спрадалъ чахошкой , но не смотря на болѣзнь свою, любилъ выѣзжать. За мѣсяць до смерти своей, онъ навѣстилъ меня. Вотъ здѣсь, въ этой гостиной, на диванѣ сидѣли мы съ нимъ — и больше ужъ не видались. Но когда узналъ я о смерти его, мнѣ опять спало казаться, что онъ всё также склоняся головой на подушку, которую ему подали, и въ томъ же бѣломъ канифасномъ сершукѣ, въ которомъ прїѣзжалъ тогда. . . такъ, что я, признаюсь, въ гостиной не могу оставаться одинъ, особливо вечеромъ. . .

— И я однажды ночью видѣлъ, что тамъ сидитъ кто-то въ бѣломъ — сказалъ старый слуга, закуривавшій трубку Полковника.

— Да, да! — подхватили хозяинь —
 расскажи, что ты видѣлъ.

— Съ недѣлю тому назадъ — началъ
 слуга — раздѣвъ барина послѣ поля, я
 забылъ взять сапоги его, которые
 были сыры, чтобы просушить ихъ къ
 завтраму, и вспомнилъ объ этомъ въ
 самую полночь. Въ домѣ всѣ ужь спали.
 Я зажегъ огарочекъ и пошелъ за сапо-
 гами. Они стояли вопшь здѣсь въ углу.
 Дверь въ гостиную была опворена. Я
 нечаянно заглянулъ туда, и мнѣ пока-
 залось, что на диванѣ что-то бѣлѣет-
 ся. Сначала я подумалъ, что это какое
 нибудь плашье; но освѣтивъ горницу и
 взглянувшись хорошенько, увидѣлъ блѣд-
 наго, худаго человѣка, который былъ весь
 въ бѣломъ: въ шлафрокѣ, или серпукѣ —
 эшаго сказать не могу, пошому что

ноги у меня подкосились, огарокъ выпалъ изъ рукъ, погасъ — и я не помню, какъ прибѣжалъ въ избу. — Слуга прибавилъ еще, что на другой день по утру огарокъ, которой онъ уронилъ въ дверяхъ, нашли раздавленный, какъ будто бы на него наступилъ кто ногою.

— Точно, — подтвердилъ приказный, которой до сихъ поръ не развѣвалъ рша — это было при мнѣ; я ночевалъ тогда здѣсь и даже спалъ въ этой залѣ.

— Такъ чего же бы тебѣ лучше разбудить господина приказнаго — спросили мы слугу — и вмѣстѣ съ нимъ разсмотримъ хорошенько, кто сидѣлъ на диванѣ?

— Въ страхѣ я совсѣмъ забылъ о нихъ — ошвѣчалъ старикъ — и даже не взгля-

нуль на постель, кошорая была заставлена стульями.

— Право шупь кроюшся какія нибудь чудеса совсѣмь другаго рода — проворчалъ Полковникъ сквозь зубы.

— Бышь не можешь — перебилъ хозяинь — я знаю, что у меня въ домѣ никшо не спанешь ходишь по ночамъ для того, чтобы пугать людей, и причисляю эшо къ шакимъ вещамъ, кошорыхъ не берусь исполковывать. . . Покойникъ былъ мнѣ искренній другъ — прибавилъ онъ вздохнувъ; — можешь бышь и шамъ, за гробомъ, онъ не забылъ меня, можешь бышь и шеперь чего нибудь ошъ меня шребуешь! . . .

Между шѣмъ, какъ мы разговаривали шакимъ образомъ, накрыто на споль. Мы поужинали, и послѣ сышныхъ

блюды , послѣ холода и усталости, начали помышлять о ночлегѣ. Хозяинъ предложилъ мнѣ, Поручику и Полковнику лечь всѣмъ вмѣстѣ въ гостинной; но они на это не согласились , пошому что въ ней было очень холодно , и рѣшились помѣститься въ залѣ поближе къ камину. Одинъ я , любя свѣжій воздухъ и совершенную тишину въ спальнѣй комнатѣ , и сверхъ того какъ бы желая показать , что рассказы слуги ни сколько меня не напугали , вызвался ночевать тамъ.

Это было на канунѣ праздника Покрова Богородицы. Въ гостинной стоялъ большой семейный образъ Богоматери и передъ нимъ горѣла лампада (хозяинъ нашъ слѣдовалъ еще обычаямъ предковъ своихъ). Холодъ въ комнатѣ былъ

въ самомъ дѣлѣ чрезвычайный ; я спросилъ себѣ вмѣсто одѣяла шубу ; зашворилъ дверь въ залу , не желая лишиться тепла моихъ шоварищѣй ; еще заперъ ее изнутри ключемъ , чтобы она не опходила , и легъ .

При всей моей усталости я не могъ , самъ не знаю опъ чего , заснуть шакъ скоро , какъ думалъ . Образъ Богоматери , написанный стариннымъ иконнымъ письмомъ , споялъ прямо прошивъ меня и глаза мои невольно на него устремились . Краски лика , пошемнѣвшія опъ времени , почти колоссальный размѣръ его и чершы нѣсколько грубыя — всё это придавало иконѣ какой-то величественный и вмѣспѣ грозный видъ . Глаза ея довольно живо сдѣланные , казалось , смотрѣли на меня и

какъ будто встрѣчались съ моими взорами. Долго и пристально глядѣлъ я на образъ , и невольно раздумался о шѣхъ чудесахъ, копорыя бывали нѣкогда на землѣ; вспомнилъ о вечернихъ разсказахъ нашихъ , о суевѣрїи хозяина , и — при глубокой тишинѣ , царствующей во всемъ домѣ , въ копоромъ какъ будто не было ни одного живаго существа, при взглядѣ на мрачный ликъ иконы, озаренный слабымъ свѣтомъ — мнѣ спало казаться оно не такъ смѣшно и непростишительно , какъ въ шумной вечерней бесѣдѣ. Я даже готовъ былъ согласиться , что въ мїрѣ , управляемомъ Существомъ непоспижимымъ , могутъ быть и вещи непоспижимыя для слабаго ума человѣческаго . . При этой мысли какое-то неизьяснимое чувство за-

спавило меня бросишь взглядъ на по мѣсто, гдѣ всё представлялся хозяину умершій другъ его и гдѣ слуга видѣлъ призракъ. — Между шѣмъ лампада начинала догорать, и въ комнаѣ спановилось темнѣе ; только изрѣдка попухающій огонекъ ярче озарялъ образъ и минушнымъ , мелькающимъ отблескомъ какъ бы придавалъ глазамъ его жизнь и движеніе. Это чудное дѣйствіе огня надъ иконою долго занимало меня: при взглядѣ на выразительныя черты ея, на взоры, то мрачныя, то опять озаряющіеся огнемъ и всегда усуремленные на меня, я чувствовалъ какой-то тайный трепетъ, который не пошрясалъ душу, но тихо волновалъ ее и невольно заспавлялъ меня безпрестанно смотрѣть на образъ. Наконецъ,

желая успокоиться и разогнать странные мечты, овладѣвшія мною, я обернулся къ стѣнѣ; однакожь черты лица, слишкомъ сильно врѣзавшіяся въ мое воображеніи, всё еще были въ глазахъ у меня. Мысли о спрашныхъ разсказахъ, о непонятныхъ явленіяхъ также не выходили изъ головы моей: и проводникъ встрѣтившійся кучеру, и длинный человекъ на опушкѣ лѣса, и пономарева жена встающая изъ гроба, и бѣлый мертвецъ посѣщающій комнату, въ которой былъ я — попеременно мнѣ представлялись. Но мало по малу всё это сливаясь въ мутные, неясные образы, погружалось во мракъ; голова моя ошнжелѣла и я заснулъ.

Сначала крѣпкій сонъ мой былъ шихъ и спокоенъ; но черезъ нѣсколько вре-

мени мнѣ стали слышаться какіе-то нестройные, смѣшанные звуки, которые какъ бы издали приближаясь ко мнѣ, безпрестанно усиливались и дѣлались громче. Я чувствовала, что всё еще сплю и никакъ не могу проснуться, чтобы узнать, откуда происходятъ эти звуки. . . Вдругъ показалось мнѣ, что я открываю глаза, вижу себя въ церкви, ярко освѣщенной, и лежу въ гробѣ посерединѣ ея. Священники и дьяконы, со свѣчами въ рукахъ, пѣли надо мной погребальные гимны. Голоса ихъ, которые слышались мнѣ, были не ясны и дики; лица какъ то чудно искажены и страшны. . . Ужась оледѣнила меня; я хотѣла приподняться, хотѣла закричать, но какая-то тяжестъ давила меня и приковывала языкъ

мой и всѣ члены. Между тѣмъ движеніе, которое сдѣлалъ я спараясь вспашь, казалось, успрашало церковный клиръ : всѣ поющіе начали удаляться, голоса ихъ становились слабѣе и скоро совсѣмъ замолкли. Въ церквѣ сдѣлалось шемно : одна маленькая свѣчка осшалась на иконостасѣ передъ мѣсшнымъ образомъ Богоматери, и эшошъ образъ былъ тошъ самый, на который смопрѣлъ я съ вечера. Только черты лика казались еще величественнѣе ; онѣ безпрестанно измѣнялись, оживали, икона начала прогашься и опдѣляшься опъ иконостаса. Тупъ опяшь слышалось пѣніе; спрашныя лица, въ священническихъ одеждахъ, показали со всѣхъ споронъ и стали приближашься ко мнѣ вмѣспѣ съ иконою, которая грозно указывала на

меня. Всё поже оцѣненіе удерживало меня въ гробѣ; крики замирали въ груди моей. . . Наконецъ голоса поющихъ слились въ ужасный, пронзительный вопль. . . Волосы мои спали дыбомъ; съ лица капился холодный потъ. Я сдѣлала послѣднее усиліе; судорожное движеніе потрясло мои нервы, шягость давившая меня свалилась — я вскочила, открыла глаза и — долго не могъ опомнисья, гдѣ я и что со мной дѣлаешся. . . .

Лампада, горѣвшая передъ образомъ, погасла; но лучи, которыя съ вечера покрывали небо, начали разрываться, и блѣдные лучи мѣсяца слабо освѣщали окна комнаты. Бѣлые косяки ихъ всё еще казались мнѣ колоннами церкви, нестройное пѣніе продолжало раздавать-

ся въ ухахъ моихъ. — Наконецъ мысли мои начали приходить въ порядокъ. Я узналъ комнашу, въ кошорой легъ спать: все было тихо, и только раздавался вой собакъ, запершихъ близъ дома, кошорыя по умолкали, по снова опять зашягивали пѣсною свою цѣлою снаей.

Между тѣмъ холодъ засшавилъ меня вспомнить о шубѣ, кошорой одѣлся я съ вечера : она упала на полъ. Всшавши, чшобы поднять ее, я нечаянно взглянулъ въ углубленіе комнашы, кошорая была довольно пространна — и, при шускломъ свѣтѣ луны, увидѣлъ на диванѣ чшо-шо бѣлое. Я удивился и началъ всматриваться пристальнѣе. Это былъ человекъ, тихо сидѣвшій — какъ бы не дыша и не шевелясь. Спрашный сонъ, такъ живо мнѣ представившійся,

сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе ; воображеніе мое несовсѣмъ еще успокоилось, и при взглядѣ на бѣлаго чело-вѣка, о которомъ рассказывали слуга и хозяинъ, сердце у меня замерло. Я не могъ собраться съ духомъ подойти ближе къ нему и удостовѣрить себя въ томъ, что такое я вижу. Невольный страхъ удерживалъ меня на одномъ мѣстѣ. Вдругъ пришло мнѣ въ голову, что эшо можешъ быть шушка Полковника ; но другая мысль потчасъ опяшь замѣнила первую : дверь была заперта , и нигдѣ больше не лзя было пройти изъ залы въ госпиную. Въ другой комнашѣ , рядомъ съ моею, на прошивуположной сторонѣ съ залою, спали учитель и приказный, но опъ нихъ я не могъ ожидать никакихъ шушокъ, потому что не былъ

корешко знакомъ съ ними, да и они же были люди совсѣмъ не шакого свойства. Желая однакожь узнать, не найдутъ ли шамъ какого нибудь объясненія на эту загадку, я рѣшился заглянуть къ нимъ: но и эта дверь была заперта, и не смотря на всѣ мои усилія, на всѣ повороты замка и ключа, я не могъ отворить ее. Тутъ ужасъ, до сихъ поръ всё еще смѣшанный съ сомнѣнiемъ, совершенно овладѣлъ мною. Мѣсяцъ выглянулъ въ эту минушу изъ за-облака и озарилъ блѣдное, худое лице бѣлаго человека: онъ всё сидѣлъ тихо и неподвижно, склоняясь головой на спинку дивана, — на томъ самомъ мѣстѣ, точно въ томъ же положенiи, какъ описывалъ намъ хозяинъ покойнаго своего пріятеля въ послѣднее свиданіе съ нимъ.

Не зная, что дѣлать, не въ силахъ долѣе оставаться съ этимъ непоспужимымъ существомъ, которое по видимому могло пройти ко мнѣ развѣ только въ замочную скважину, бросился я опять къ дверямъ залы, повернулъ ключъ и хотѣлъ выбѣжать изъ комнаты; но кровать Поручика, поставленная слишкомъ близко къ двери, не позволяла мнѣ выйти. Спукъ и усилія мои вырваться изъ этого проклятаго мѣста, гдѣ я былъ какъ бы заключенный, разбудили наконецъ Поручика и Полковника, и они оба встревоженные моимъ голосомъ и несвязными словами, въ которыхъ я шлоковалъ о привидѣннн, успѣли войти ко мнѣ.

— Что съ тобой случилось? — спро-

силъ Полковникъ — о какомъ привидѣннѣи
шолкуешь ты? . . . Гдѣ оно? . . .

— Вонъ тамъ , на диванѣ.

— Помилуй, гдѣ же? . . . Я ничего не
вижу. . . .

Я обернулся , смотрѣлъ , проширала
глаза : бѣлаго въ самомъ дѣлѣ ужь не
было. . . Тоска овладѣла мною; я ниче-
го не понималъ, ничего не могъ сообра-
зить , и начиналъ думать , что рассу-
докъ мой помѣшался. . .

— Это точно , что-то странно ! —
сказалъ Полковникъ , удивленный еще
болѣе сильнымъ моимъ безпокойствомъ.—
Кшо могъ пройдиши сюда , когда всѣ
двери были заперты ; и куда могъ
скрышся эшошь чудакъ? Надобно сдѣ-
лать осмопръ.

Мы подошли ближе къ дивану; передъ

нимъ, стоялъ большой осиновый споль. Между тѣмъ какъ я отворялъ дверь, непонятный чловѣкъ, напугавшій меня, переѣнилъ положеніе и лежалъ на диванѣ такъ, что издали тѣнь сполы не позволяла намъ его видѣть. Обрадовавшись, что онъ по крайней мѣрѣ не исчезъ, и что воображеніе мое не совсѣмъ еще распроено, я побѣжалъ за огнемъ. Принесли свѣчу, и мы увидѣли, что это былъ приказный, копорый спалъ крѣпкимъ сномъ.

Громкій смѣхъ, послѣдовавшій за эшимъ отккрытіемъ, разбудилъ его. Бѣдный малый былъ удивленъ не менѣе моего, увидѣвъ себя не на томъ мѣстѣ, гдѣ легъ съ вечера, и не понималъ, какъ онъ попалъ ко мнѣ. Объяснилось, что онъ дунашикъ. — На шумъ, подня-

пый нами, пришелъ учишель и располоковаль оспальное : съ вечера дверь ихъ комнаты не была заперта , а только зашворена. Учишель проснувшись въ то время, когда ужъ товарищъ его отправился въ ночное пушешествіе , и почувствовавъ, что изъ гостиной дуешь, подумаль, что дверь отворилась сама собою , и, со сна не входя ни въ какія подробности, заперъ ее изнутри задвижкой.

— Теперь спало бышь разрѣшилась и другая загадка — сказала Полковникъ — именно, призракъ, который явился слугѣ : господинъ приказный ночеваль тогда здѣсь, и по видимому шакже прогуливался въ ту ночь, какъ и въ нынѣшнюю. Только — прибавиль

онъ обращаясь ко мнѣ — я ни какъ не думалъ, чшобы ты такой былъ прусъ!...

Правда, что я былъ не совсѣмъ доволенъ собою; но, желая оправдать себя хотя сколько нибудь въ глазахъ другихъ, я напомнилъ вчерашнія исторіи, разсказалъ страшный сонъ мой, повторилъ всѣ обстоятельствова, которыя какъ нарочно спеклись для того, чшобы напугать меня — и Полковникъ наконецъ согласился, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и самый здравый разумокъ прошивъ воли увлекается воображеніемъ и бываетъ гошовъ вѣришь сверхъестественному.

Разсказчикъ умолкъ. Пріятный тонъ голоса, умная, живая физиономія и какая-то едва замѣтная, саширическая

улыбка, которая по временамъ показывалась на лицѣ его, всё это вмѣстѣ придавало особенную занимательность его разсказу. Многимъ изъ слушателей происшествіе казалось очень вѣроятнымъ и естественнымъ, и нѣкоторые даже сознавались въ томъ, что бывши на мѣстѣ разсказчика, можеть быть, напугались бы еще болѣе. Другіе напротивъ подозрѣвали, что это была одна выдумка, которую разсказалъ онъ для того только, чтобы занять общество.

П. Сумароковъ.

Ц И Ц Е Р О Н Ъ.

Орапоръ Римскій говорилъ ,
Средь бурь гражданскихъ и превоги :
» Я поздно вспаль и на дорогѣ
» Заспигнушь ночью Рима былъ ! »
Такъ ! . . . но прощаясь съ Римской славой ,
Съ Капиполійской высокошы ,
Во всемъ величьи видѣлъ шы
Закашъ звѣзды ея кровавой ! . . .

Блаженъ , кто посѣпилъ сей міръ
Въ его минуны роковыя !
Его призвали Всеблагія
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онѣ ихъ высокихъ зрѣлицъ зришель ,
Онѣ въ ихъ совѣшъ допущень былъ —
И заживо , какъ небожипель ,
Изъ чаши ихъ безсмершье пиль !

Ө. Тютчевъ.

ЗИМНІЯ КАРИКАТУРЫ.

(Отрывки изъ Журнала зимней поѣздки
въ спешныхъ губерніяхъ. 1828.)

РУССКАЯ ЛУНА.

Русакъ, по истинѣ сказать,
Не полуночникъ, не лунашникъ :
Не любишь ночью нашъ флегмашикъ
На звѣзды и луну зѣвашь.

И если въ лавкахъ Музы Русской
Луной шергуюшь на подхвашь ,
То развѣ взяшой на прокашь
Луной Нѣмецкой, иль Французской.

Когда-жь въ каникулы зимы
Горишь у насъ морозъ прескучій,
И мѣсяць на небѣ безъ лучи
Навѣрно мерзнешь какъ и мы.

» Теперь-то бышь въ дорогѣ славно ! »
 Подхвашишь шупь прямой Русакъ.
 Да, черша съ два ! какъ-бы не шакъ,
 Куда пріятно и забавно !

Нѣшь, воля ваша, господа !
 Когда морозъ дерешь по кожѣ ,
 Миѣ шеплая поспель дороже ,
 Чѣмъ ваша прышкая ѣзда.

К И Б И Т К А .

Что за медвѣжіе набѣги
 Самъ-другъ съ медвѣдемъ на спинѣ ?
 Нѣшь, нѣшь, пушь зимній не по миѣ :
 Морозъ, ухабы, вьюги, снѣги.

А подвижной сей каземашъ,
 А подвижная эша пышка ,
 Которую зовушь : кибишка ,
 А изобрѣлъ намъ зимній адъ.

Неволя, духопа и холодъ :

Нось зябнешь , а въ ногахъ шоска ,
То подшполкнешь себя въ бока ,
То головой спучишь какъ молошъ.

И все , что небо обрело
На сонъ вещеспвенная смерши ,
Движеньемъ облакають черши
Спрадальцу горькому на зло.

Подушки , ошдыха пріюшы ,
Неугомонною вознѣй
Скользяшъ, вершашся подъ шобой,
Какъ будшо въ нихъ бѣсенокъ люшой,

Иль шерспью съ звѣря царшва шьмы
Набилъ ихъ адскій переспѣшникъ ,
И разорвавъ свой саванъ грѣшникъ ,
Даль вѣдьмамъ наволки въ займы.

И въ шапкѣ дьяволь колобродишь :
То лобъ шѣснишь, шо съ лба ползешъ ,
То голова въ нее уйдешъ ,
То съ головы она уходишь.

Чшо въ плашь шовъ, шо ужь рубецъ,
 Въ оковахъ словно руки, ноги,
 И снаряжая для дороги
 Твой камердинеръ былъ кузнецъ.

Дремоша липнешь-ли къ рѣсницѣ,
 Твой сонъ горячки бредъ шальной:
 То обопрешся домовой
 На грудь желѣзной рукавицей;

То хочешь пы безъ крыль лепѣшь,
 То падаешь въ пучину съ мосна,
 То вдругъ невиданнаго роспа
 Идешь здоровашся медвѣдь;

То новый врагъ передъ спрадальцемъ:
 Съ шепрадью шолшой риемодуль
 Стихами въ пешлю зашянуль,
 Схвапя за пешлю мощнымъ пальцемъ.

М Е Т Е Л Ь.

День свѣшишь: вдругъ невидно зги,
 Вдругъ вѣшеръ налешѣль размахомъ,
 Спешь поднялася мокрымъ прахомъ
 И завиваелся въ круги.

Снѣгъ съ верху бѣшь, снѣгъ вѣшь съ низу,
 Нѣшь воздуха, небесь, земли :
 На землю облака сошли ,
 На день насунувъ ночи ризу.

Шшурмъ сухопушный : льма и спрахъ !
 Компась не въ помощь , ни кормило :
 Чушье заглохло и заспыло
 И въ ямщикѣ и въ лошадахъ.

Тушь выскочипъ проказникъ лѣшій,
 Ему раздолье въ кущермѣ :
 То огонекъ блеснешъ во пѣмѣ,
 То перейдешъ дорогу пѣшій ,

Тамъ колокольчикъ гдѣ-то брякъ,
 Тушь добрый человекъ аукнешъ,
 То кто нибудь въ вороша спукнешъ ,
 То слышенъ лай дворныхъ собакъ.

Пойдешъ впередъ, поищешъ съ боку,
 Все глушь, все снѣгъ, да *мерзлый парѣ* ,
 И Божій міръ спалъ снѣжный шаръ
 Гдѣ какъ ни шаришь, все безъ проку.

Тушь къ лошадамъ космашый врагъ
 Кувыркнешся съ поклономъ въ ноги,
 И въ полночь самую съ дороги
 Кибишка на бокъ и въ оврагъ.

Ночлегъ и пихій и съ проспоромъ:
 Тушь шараканамъ не залъзшь,
 И развѣ волкъ ночнымъ дозоромъ
 Придешъ провѣдашь: кшо тушь ешь?

УХАБЫ. ОБОЗЫ.

Какой враждебный духъ, духъ зла, духъ разру-
 шенья,

Какой свирѣпый ураганъ

Спячей качкою, волнами безъ движенья

Изрыль сей снѣжный океанъ?

Кибишка-ладія шапается, ныряешь:

То въ глубь ударишся со скользкой крупицны,

То дыбомъ на хребетъ замерзнувшей волны

Ее насильственно кидаетъ.

Хозяйство, урожай, плоды земныхъ работъ,
 Въ народномъ бюджетѣ вы свѣтлые итоги,
 Вы капишаль земли спремише въ оборотъ,
 Но жаль, что поршише вы зимнія дороги.

На креслахъ у огня, не хуже чѣмъ Дюпень,
 Движенья силъ земныхъ я радуюсь избытку;
 Но радъ я проклинашь, какъ попаду въ кибитку,
 Труды, промышленность и пользы деревень.

Обозы, на Руси бышь *зимнимъ судоходствомъ* (*)
 Васъ Русскій Богъ обрекъ и милость велика:
 Помѣщики ошь васъ и съ деньгой и съ дород-
сствомъ,
 Но въ проѣзжающихъ боляшь ошь васъ бока.

Покажется Декабрь — и тысяча обозовъ
 Изъ приспаней степныхъ пойдуть за барышемъ,
 И пушь уравниный ошь снѣга и морозовъ
 Начнушь коверкать непушемъ;

(*) Подражаніе Князю Пошемкину, который называлъ Жидовъ судоходствомъ Польши.

Несушь къ сшоліцамъ ненасышнымъ
 Чшо цѣлый годъ росло, а люди въ день съѣдятъ :
 Богашства Русскія подъ видомъ первобышнымъ
 Гречихи , ржи, овса и мерзлыхъ поросятъ.

И сельскихъ прихошей запасъ разнообразный ,
 Ко внукамъ бабушекъ гостинцы изъ села
 И городскимъ власшямъ невинные соблазны :
 Соленые грибы , наливки , поспила.

Какъ муравьи они копышашся роями,
 Какъ муравьямъ имъ счеша не свеспи;
 Какъ зміи длинныя во всю длину пуши
 Перегибающся лѣнливыми хребтами.

То разрывающъ снѣгъ пронзительнымъ ребромъ,
 И засываешь слѣдъ прорѣзанный глубоко ;
 То разгребающъ снѣгъ хвостомъ,
 Который съ бока въ бокъ волочишся широко.

Ужь хлѣбосольная Москва
 Ждешъ сухопушныя флошилди;
 Въ госшепрімномъ изобиліи
 Еядовыбилісь права.

Но, если онъ тебя прибушьемъ удоспоишь,
 Пусшь не покажется ему швоя хлѣбъ-соль,
 И что нибудь печаянно разспроишь
 Успроенный ему за мѣсяць рокамболь.

Кн. Вяземскій.

УСПОКОЕНІЕ.

Гроза прошла — еще курясь, лежалъ
 Высокій дубъ перунами сраженной,
 И сизый дымъ съ вѣшвей его бѣжалъ
 По зелени грозою освѣженной:

А ужь давно звучиѣ и полнѣй
 Пернапныхъ пѣснь по роцѣ раздалася,
 И радуга концемъ дуги своей
 Въ зеленяя вершины уперлася! . . .

Ө. Тютчевъ.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

(Опрывокъ изъ Русской были XV вѣка.)

Воешь сыръ боръ за горою ,
 Мяшелица въ полѣ ,
 Вспала вьюга , непогода,
 Запала дорога. . .

Мерзляковъ.

«Экая мяшель и вьюга : свѣша Божьяго не видно!» сказалъ спарикъ, входя въ избу, и опряхивая съ шапки своей снѣгъ, примерзнувшій хлопьями.

— Добро пожаловашь — опвѣчалъ хозяинъ , слѣзая съ печи — здѣсь обогрѣешься и опдохнешь съ дороги.

Старикъ остано­вился посреди обширной избы, взглянулъ въ передній уголь, гдѣ на деревянной полочкѣ стояли иконы и шеплилась маленькая лампадка, перекрестился три раза, поклонился на всѣ стороны, и оборотясь къ хозяину съ поклономъ, проговорилъ: «Здравствуй, хозяинъ!»

— Добро пожаловать — повторишь опять хозяинъ — аль проѣзжій?

«Пусти ночевать, добрый человекъ,» продолжалъ старикъ, опирая руками длинную свою седую бороду.

— Рады гостямъ! Много васъ?

«Пятеро.»

— Куда Богъ несетъ? Аль в Москву?

«Въ Москву, родимый. Хотѣли до-

плеснись до Пешрухиной, да такая кура падаешь и мерзнешь. . . »

— Что за дорога въ такую мяшель! Сгинешь ни за что. У насъ про вашу милость все спасено—говорилъ хозяйнѣ спаскивая съ палашей овчинный, нагольный шулупъ, и надѣвая его. — А откуда Богъ несешь? — спросилъ онъ, зажигая длинную, сухую лучину.

«Изъ Ярославля. Веземъ рыбу въ Москву. Говорящъ шамъ шеперь она въ цѣнѣ. »

— Богъ цѣну спрошъ; да какъ и не бытъ цѣнамъ: чай наѣхало въ Москву народу гибель; вѣдь шеперь дѣло праздничное, да и веселье Княжеское. . .

Такъ разговаривая, хозяйнѣ и прїѣзжій пошли изъ избы. Сильный вѣшеръ хлынулъ въ дверь, когда они расшво-

рили ее. Заслонивъ полою шулуа лучину, хозяинъ свѣшилъ спарику, который, говоря: «Зги не видашь! Экую Богъ даль погоду!» шель къ воротамъ.

Работникъ хозяина, почесываясь, брель по двору съ большимъ ключемъ. — Пуси проѣзжихъ, да дай сѣна и овса — сказала ему хозяйинъ. Молчаливое исполненіе было опвѣшомъ.

Широкое во всѣ ворота полощенцо заскрыпѣло на деревянныхъ пешляхъ, и опворилось. Пяшь возовъ, закрышыхъ рогожами, въѣхало на дворъ и остановилось подъ соломеннымъ навѣсомъ, который огороженъ былъ со всѣхъ споронъ дворъ хозяина. Проводники съ прудомъ распрягали лошадей измерзшими руками, и опъ времени до времени бранили

смиранныхъ живошныхъ. Между тѣмъ словоохотный хозяинъ стоялъ подлѣ прѣзжихъ, и увѣрялъ ихъ, что у него кадушка для овса Новгородская, сѣно хорошее, луговое, и на ужинъ щи съ свѣжиною, каши сколько съѣшь, и пироги съ капустою. «Доброе дѣло, благословенное дѣло!» ошвѣчалъ спарикъ. «Скажемъ спасибо хозяину, и за хозяйку поклонъ положимъ.

— Ужь эта Москва все щепенко ходишь — ворчалъ длинный, сухощавый товарищъ спарика — въ пирогахъ-шо, чай, хоть выпись, а въ щахъ и неведомъ ничего не поймаешь, не только ложкою.

«Что, товарищъ, что?» подхватилъ хозяинъ, подходя къ нему, и, видя неповоротливость лошади его, махнулъ полою шулуца своего, прикрикнувъ :

« Ну, кормилица! видишь, какъ упарилась! »

— Да, упаришься, хозяинъ — отвѣчалъ спарикъ, свершывая веревку, копорая служила ему вмѣсто вожжей, и вскидывая ее на возъ.

« Хозяинъ! ты видно двора-шо не шопишь! » заворчалъ опять сухощавый.

— Топлю, да не нагрѣваешься — отвѣчалъ хозяинъ, смѣясь.

« Да какъ и нагрѣшься: смотри, какія у тебя лазей въ навѣсѣ-шо — возразилъ сухощавый — быкъ пролезеть. »

Въ самомъ дѣлѣ, соломенный навѣсъ, копорымъ около плешня обнесенъ былъ кругомъ весь дворъ, во многихъ мѣстахъ обвалился; гнилая солома едва держалась въ другихъ мѣстахъ; снѣгъ вѣялъ

повсюду, и груды его намело подь навѣсомъ.

— Да вошь все собираюсь спронтъ-ся, ошвѣчалъ хозяинъ, и не хочешся ужь поправлять спараго.

« Кшо кладешъ заплашу на вешхую ризу, » смѣясь прибавилъ спарикъ; « продерешся, и горше спараго будешъ. »

Въ это время вспунили въ разговоръ другіе шоварищи спарика, до сихъ поръ молчавшіе. — « Хозяинъ! гдѣ-же поспавишь лошадей? Нигдѣ мѣсша нѣшь! »

— Какъ нѣшь? Да вошь шушь къ колодѣ.

« Да смотри какой сугробъ: онѣ околѣюшь у швоей колоды. »

— Чшо за сугробъ! воскликнулъ хозяинъ и пошелъ показашъ, чшо снѣгъ неглубокъ; но едва спунилъ шуда, какъ

ушелъ по колѣни въ снѣгъ. Не теряя бодрости, какъ настоящій Русскій человекъ, оборотился онъ назадъ и прибавилъ: «Ничего; лошади пообомнущь, да еще лучше поѣдять.»

Въ нерѣшительности остановились прїѣзжіе; но старикъ между тѣмъ подтащилъ сани къ хлѣву, и распрягивалъ хрепругъ между оглоблями, приговаривая: «Господи благослови!»

Тутъ услышали шумъ подлѣ закушки, гдѣ лежало сѣно. «Давай еще!» запальчиво говорилъ кто-то. «Вѣдь не даромъ у себя берущь, такъ и ты мѣряй по христіански.»

— Чтò, чтò тамъ? Ась? — проговорилъ скоро хозяинъ, и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ шумѣли.

«Видно Еремку-то обмѣряшь хочешь

Москвичъ, » сказалъ сухощавый. « Ужь нечего сказать : сѣнишко осока , и по мѣряють , какъ брагу добрую, съ пѣной. »

—И, брашь Гриша — ошвѣчалъ спарикъ — спольный градъ: на мощеной дорожкѣ и хлѣбъ плохо родился; однихъ боярь Московскихъ не перечтешь; а всякій ѣсть хочешь; шакъ нашему брашу, мужичку, и плоха разжива — сплушуешь по неволѣ . . .

« Полно дастъ-ли себя Москвичъ въ обиду : Жнда обманешь и Цыгана проведешь. Не даромъ идешь пословица, что Москва бьешь съ носка. »

— Не осуждай, да не осуждены будешь, брашь Гриша. Подумаемъ о своихъ грѣхахъ . . . . Ну, ну, мать родная! шевелись! Эхъ, гнѣдко! Ушарѣлъ я, уша-

рѣль и ты — а шо-шо былъ конь добрый . . . .

« Чшо шеперь добраго на бѣломъ свѣшѣ оснаешся » . . . . ворчалъ съ досадою Гриша. « Наше времячко не вашему чета, дѣдушка Машвѣй! Прежде и люди-шо жили подолѣе, да и души-шо у нихъ были посвѣшлѣе. »

— Чшо за молодежь такая спала, Божьи вы дѣши! — смѣясь опивчалъ спарикъ. Время все одно, и люди все одни да шѣ-же. Поживешь до сѣдыхъ волосовъ, такъ при шебѣ шанушь жаловашься на шогдашнее, а хвалишь швое время. Такъ ужъ бѣлый свѣшъ ведешся. . .

Въ эшо время шоржеспвенно шель къ нимъ хозяйинъ. Его поворошливый языкъ успѣль уже кончить всѣ запрудненія между работникомъ его и шоварищами

дѣдушки Машвѣя. Товарищи спарики шли съ веревчашыми плешушками , набишыми сѣномъ.

— Что у васъ шамъ было ? спросилъ сухощавый Гриша.

« Видишь: сѣно не нравилося, не хорошо, говоришь, а посмотри какое уѣдчивое. Въ убышокъ, правое слово, въ убышокъ! » отвѣчала скороговоркою хозяйинъ.

Молчаливо задавали лошадямъ своимъ сѣно прїѣзжіе. Хозяинъ махалъ руками, иззябнувшими отъ сильной стужи, и не переставалъ говорить: « Нѣшь, бранцы-ребяшушки, ужь если у меня подмѣнь да обвѣсь , такъ гдѣ и правды искашь. Просимъ и впередъ жаловать къ Пимену Паншелееву ! Насъ , слава-те Господи ! добрые люди не по одинъ годъ жалуюшь да и бояре не объѣзжаюшь. Вошь о

Семень день минешъ двенадцашый годъ, какъ отецъ покойникъ (дай ему Богъ царство небесное!) застроилъ эшошь домъ, да сколько хлѣба-соли ѣдали въ немъ добрые люди, съ благословеніемъ. Вѣдь у насъ Москва не далеко; чуть что, шакъ и шуда . . . . калачъ не успеешь проспынуть, какъ здѣсь будешь . . . .»

На улицѣ послышался скрипъ полозьевъ по снѣгу, и крикъ на упомянутыхъ лошадей. Хозяинъ поспѣшилъ за вороша, но едва выглянулъ, какъ спряшался поспѣшно, и задвинулъ вороша засовомъ.

— Ппусти ночевашъ, эй ты, кто шупъ! — закричали охриплымъ голосомъ съ улицы.

«Мѣсна нѣшь, кормилецъ!» ошвѣчала хозяинъ сквозь вороша.

Ударъ дубиною въ ворота былъ при-
вѣщсшвіемъ на ошвѣшъ. Ругашельства
раздались за пѣмъ, и снова хриплый
голосъ пребоваль ночлега.

« Сшупай къ сосѣду : у него про-
спорно и свѣшло, у меня шѣсно и хо-
лодно » . . .

— А вошь я у шебя погрѣю съ пра-
ваго угла, окаянная собака !

« Эхъ, родимый ! Ну что проку бу-
дешъ . . . Слушай ! » Онъ что-то шеп-
шаль сквозь зашворенныя ворота; съ
улицы голосъ говорилъ шше и шше.

— Что онъ шамъ, колдуешъ что-ли ?
спросилъ Гриша у шарика, кошорый
сомнишельно спояль посреди двора, и,
сквозь порывы вьюги и мяшелл, прислу-
шшвался къ разговорамъ хозяина.

« Нишкни ! » ошвѣчалъ шарикъ, под-

нижая рукавицы свои съ земли— « казенный обозъ, проси насъ, Господи! Развѣ не слышите? » Гриша и товарищи его разинули рты и выпучили глаза.

Скрыпъ и шумъ снова раздались на улицѣ.

Съ радостнымъ восклицаніемъ: « Провалился! » хозяинъ шелъ къ проѣзжимъ.

— Какъ ты опнѣкался опъ него, добрый человекъ?—спросилъ дѣдушка Машвѣй.

« Вѣспимо какъ : поплашился ».

— Съ насъ и сдерешъ! — заворчалъ Гриша. Хопъ-бы деньги-шо пошли въ Княжескую казну; а шо какой нибудь обди-рало, приславъ, беретъ себѣ подашь съ православныхъ, а они другъ на другъ вымѣщаютъ.

« Прикуси языкъ, Григорій » пробор-

мопаль дѣдушка Машвѣй. Всѣ пошли за хозяиномъ. Изба, въ кошорую всшупили хозяинъ и гости, была обширная чешырехъ-угольная хоромина, у кошорой въ срединѣ одной изъ бревенчатыхъ ея стѣнъ прорублены были низенькія двери; днемъ освѣщалась она двумя небольшими окошками, на улицу, прямо прошивъ дверейъ бывшими, снаружи украшенными грубою рѣзью и раскрашенными, ошъ чего и назывались они *красными*; прешье, маленькое, продолговатое ошверстіе, задвигалось доскою, и соспавляло такъ называемое *волоковое* окно. Огромная печь, безобразная громада кирпичей и глины, занимала весь лѣвый уголъ, ошъ самыхъ дверей, и доходила до половины избы. На правой сторонѣ ошъ дверей, выше печи,

были положены доски на перекладинахъ, и прибиты гвоздями; эшо называлъ хозяинъ: *палати*. Подъ ними, на землѣ, былъ помостъ, уложенный измяшою, запачканною соломою; вокругъ прехъ спѣнь шянулись лавки. Огромный споль, съ выдвижною съ боку доскою, придвинуть былъ въ переднемъ углу къ лавкамъ, подъ шконы. Ящичекъ съ солью, фигурно вырѣзанный, и жбанъ, съ опущеннымъ въ него деревяннымъ ковшомъ, составляли украшеніе стола. То и другое было когда-то выкрашено, но краска была уже не видна, опъ часпаго употребленія. Другой уголь прошивъ печи отдѣлялся запачканною занавѣскою, за которою настлано было нѣсколько досокъ. Поль составляла крѣпко убишя земля, сырая опъ снѣга, нанесен-

наго на ногахъ и распаявшаго. Окошки зашекли льдомъ, ибо въ избѣ было холодно и сыро. Пополокъ и стѣны ея были закопѣлыя, черныя; потому что печь была безъ трубы. Когда топилъ ее, дымъ шель въ обширное отверстіе печи, расплался облакомъ по избѣ, и выходилъ въ двери, копорыя на шопъ разъ всегда опворяли, даже въ самый жестокій морозъ. Обишатели, во время шопленья печи, лежали на лавкахъ, чшобы не задохнушься, или уходили изъ избы. Топленье было обыкновенно по ушру; шогда варили кушанье, и запасались тепломъ на цѣлыя сурки, закрывая попомъ печь, копорая разогрѣвшись, дѣлала въ избѣ два разные климата: на палашяхъ и на печи былъ ужасный жаръ; внизу холодъ, шакъ,

что морозъ, снѣговыми, курчавыми полосами выходившій сквозь снѣжны, оставался цѣлую зиму не тающимъ, какъ снѣга на вершинахъ Кавказа. Въ избѣ, кромѣ хозяина, жены его, матери старухи и дѣшей, жили и мѣлкя домашнія живошныя, свиньи, шеляпа: имъ предоставлень былъ помосць подъ палашами, и дерзкій шеленокъ, прыгнувшій съ помосна, принуждаемъ былъ опять крикомъ хозяйки, или ударомъ ухапа, снова убираться въ свое отдѣленіе. Только космополишь — кошъ имѣлъ право занимать мѣсто, гдѣ ему угодно. По приходѣ гостей, онъ прыгнулъ со стола, и сѣлъ въ лукошко, которое висѣло на веревкахъ, прицѣпленныхъ къ длинной палкѣ: это была люлька, гдѣ укачивали ребенка, но шеперь

была она пуста; всѣ дѣши хозяина спали на печи, въ углу, на изорванномъ войлокѣ.

Такое убѣжище дѣдушки Машвѣя опъ вьюги и мяшели, освѣщалось лучиною, вопкнупою въ желѣзную скобку. Неопряшная, въ испачканной шубѣ, хозяйка, и спаруха, мать хозяина, сидѣли подлѣ свѣща, пряли съ одного гребня, и перемѣняли лучину, когда она догорала, зажигая новую, которую брали изъ кучки гошовыхъ лучинъ, подлѣ нихъ лежавшей. Остатки прежней бросали на землю, и они дымились и чадили.

Не великолѣпно было убѣжище, но неопряшность и бѣдность его не удивляли, казалось, прїѣзжихъ. Они спокойно отряхивали снѣгъ, молились, кланялись хозяйкѣ. На привѣтствіе: «Богъ на помочь!» ласково выговореное дѣдуш-

кою Машвѣемъ , хозяйка, до шѣхъ поръ безмолвно занятая своею работою, вспала, поклонилась въ поясъ госпямъ, и покорнымъ голосомъ проговорила: « Благодарствую, добрый человѣкъ! Добро пожаловать! »

— Ну, баба! поворачивайся, угощай гостей: что есть въ печи, все на столъ мечи! — загремѣлъ хозяинъ. Онъ успѣлъ уже скинуть шулупъ, остался въ какомъ-то полушубкѣ, и записывалъ мѣломъ на закопченной стѣнѣ мѣшку, о количествѣ сѣна и овса, взятаго прїѣзжими.

« Да, благословенная хозяйка, » говорилъ дѣдушка Машвѣй, распоясываясь и опряхивая снѣгъ— « пы конечно не заспавишь насъ зубы въ мошню спрягать, и задашь имъ работу. Кто прощадся верстъ десяпка два, не на

подрядной, а на своей парѣ, тому надобно покормишь, вошь эшого дурака!»— Онъ ударилъ себя по довольно огромному своему брюху.

Неушомный хозяйнъ, оподвигая въ это время споль опъ лавки, усифваль говоришь со всѣми, кричалъ на жену и не пропустиль опвѣчать на прибаушку спарика.

— Э, пріятель! да не уже ли у васъ въ Ярославѣ шолько по одной парѣ ногъ даешся каждому, и шо на всю жизнь?

«А у васъ въ Москвѣ развѣ по чешыре ноги у каждаго? спросилъ спарикъ.

Всѣ захохошали, хозяйнъ шоже, но оправился, и опвѣчалъ безъ замѣшательства. — «Нѣшь, не по чешыре а

по шесни : у каждаго Москвича есть по лошады, а какъ онъ сядеть на нее, шакъ у него двѣ, да у лошади чешыре , анъ шесшь.»

— А правда-ли — спросилъ Григорій, что за по у шесни Москвичей одинъ зипунъ ?

«Всяко случается; да вѣдь у насъ такіе широкіе шьюпъ, что шесперо завернуся, да еще мѣсто останется.»

— Не эшого-ли мѣста доспрашивался у тебя давишній казенный обозъ? — спросилъ дѣдушка Машвѣй, залъзя въ передній уголь. Онъ успѣлъ уже скинуть свой шулупъ, распянуль его на палашихъ, повѣсилъ опояску на сшѣнку. Въ суконномъ синемъ полукафшанѣ своемъ, съ широкою, сѣдою, какъ лунь, бородою, плѣшивою головою, кошорую

покрывало немного волосовъ, съ свѣплымъ, краснымъ, свѣжимъ лицомъ, оживленнымъ доброшою и умомъ, дѣдушка Машвѣй внушалъ невольное почтеніе окружающимъ. Садясь за споль, онъ благоговѣнно сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ предъ иконами, шворя молишву. Потомъ оправиль онъ свою бороду, и пригладиль голову. Видно было изъ всего, и изъ уваженія къ нему шоварищей, что это богашый спарикъ.

Товарищи его, одни не скидали шулуповъ, другіе, скинувъ, оспались въ изорванныхъ зипунишкахъ. Глупое безчувствіе видно было на лицахъ ихъ, прикрышыхъ гуспыми, рыжевашыми и льнянаго цвѣта волосами. Только одинъ Григорій ошличался какою-то злобною

усмѣшкою, и какъ будто безпрестанно искалъ случая зассориться.

— Ужь эши намъ казенные обозы—сказаль хозяинъ, вышаскивая огромную ковригу хлѣба, изъ запачканнаго ящика лавки.

— Не Князя, не бояре съѣдають насъ, а вошь эша мѣлкоша! Дубина у нея въ рукахъ словно грамаха на добро всякаго православнаго.

« Да развѣ у васъ худо смошрять за ними; нѣшь, вошь у нашего Князя Ярослава не слишкомъ-то смѣють они вольничать да поборничать ».

— И у насъ не велѣно имъ озорничать; да гдѣ, дѣдушка, суда сыщешь? До Бога высоко, до Князя далеко! Пробьешь

лобъ поклонами , пока добьешься до правды » . . . . . Въ это время хозяйнѣ рѣзала большимъ ножемъ толстые ломши хлѣба, во всю ковригу, и складывала ихъ на столѣ передъ старикомъ.

Дѣдушка Машвѣй проговорилъ что-то въ полголоса. . . . .

Хозяйка не вмѣшивалась въ разговоры, но усердно хозяйничала. Крестясь при каждомъ дѣлѣ, швоя молитвы при каждомъ порывѣ бури и вьюги, колеблющемъ углы дома, она разоспала замаранную скаперть на столѣ, поставила большой деревянный кружокъ на нее , положила два ножа , и пять грубо сдѣланныхъ, деревянныхъ ложекъ , или продолговатыхъ ковшиковъ, съ длинными ручками. Наконецъ , пошла она къ печи.

Взоры пріѣзжихъ слѣдовали за ея движеніями, какъ будто неперпѣливо хотѣли знать, что явился изъ этого убѣжища съѣстныхъ припасовъ. Но хотя хозяинъ наговорилъ много объ изобиліи ужина, хозяйка, свѣтя въ печь лучиною, искала, казалось, съ большимъ запруденіемъ какого нибудь пустыннаго горшка, въ уголку ея споявшаго. Вскорѣ однакожь горшокъ нашелся. Въ огромную деревянную чашу налпы были щи изъ горшка; на кружокъ положена какая-то мосполыга, весьма скудная мясомъ. « Кушайте на здоровье, добрые люди! » сказала хозяйка кланаясь.

Осмолрѣвшисъ кругомъ, и видя, что хозяинъ ушелъ куда-то, Григорій про-

ворчалъ , косо взглянувъ на дѣдушку Машвѣя : « Жиденьки щечки-то ! Хошь дубиной ударь , такъ пузырь не вскочишь»....

Дѣдушка Машвѣй улыбнулся , взявъ ломоть хлѣба , переломилъ его на двое ; изъ одной половины ломня , два крѣпкіе ряда зубовъ старика пошчасъ выкроили полукругъ ; съ прибавленіемъ щей , въ нѣсколько минушь въ рукахъ его исчезъ ломоть хлѣба. « Ну , брашія ! направляйше-ка косшыльки ! » сказалъ онъ при началѣ ; шоварищи послѣдовали его примѣру ; началась работа ; пишина нарушалась спукомъ ложе съ , котороря , сквозь віющійся надъ чашею щей паръ , казались орудіями испребленія. Работа были такъ усердна , что пошь выступилъ

на лбахъ работавшихъ, и лица ихъ сдѣлались красны.

Мы забыли было сказать, что это производительное испребленіе припасовъ хозяйки освѣщалось уже не лучиною, но грубымъ свѣшильникомъ особаго рода, копорый, кажешся, свѣшпшь безъ перемѣны черезъ вѣка, начиная съ кровавыхъ пршесствъ Скнѣскихъ дикарей до нынѣшнихъ скудныхъ кресшьянскихъ обѣдовъ. Ужинъ дѣдушки Машвѣя и его товарищѣй освѣщаль почно шакой свѣшильникъ. Это было плоское глиняное блюдечко, ушвержденное на деревянной долбешкѣ, налиное саломъ и жиромъ, всякаго рода; опущенный въ него длинный узенькій лоскупокъ холстины, крушо свпшый, придвинушь былъ къ краешку блюдечка, и зажжень.

Все это называлось *жирникомъ*. Искусство поддерживать ровный свѣтъ отъ жирника надобно было не малое; должно было безпрестанно поправлять его, то выдвигая, то вдвигая въ жиръ лоскутокъ холстины, кошорый или дѣлался шемень отъ нагара, или пылалъ слишкомъ яркимъ огнемъ. Дѣдушка Машвѣй, казалось, зналъ это искусство въ совершенствѣ. Когда чаша щей опустѣла, и Григорій, взявъ за черенки два ножа, началъ рѣзать мясо съ мосшолыги, и крошя его въ куски на деревянномъ кружкѣ, дѣдушка Машвѣй уперъ пошь рукавомъ рубашки, и занялся исправленіемъ жирника, едва не угасшаго отъ грубой поправки его товарищей. Разговоръ, пока всѣ они ѣли, состоялъ изъ опривисныхъ рѣчей, намѣкавшихъ, по

на дорожныя ихъ приключенія, по на лошадей, по на цѣны рыбы въ Москвѣ. Разговоръ эпошъ былъ не поняшенъ поспороннему, испещренный собшвенными именами: *дядя Андрей, Еремка, Сидорка, Гришуха, Пафнутьевна, Козель, Гнѣдко*. — «А чшо, кормилица,» сказала вдругъ дѣдушка Машвѣй, обороясь къ хозяйкѣ, «много ѣдешъ въ Москву обоза съ рыбою?»

— А Богъ вѣспъ, родимый — опвѣчала хозяйка, положивъ на споль два чершвые пирога и поставивъ горшокъ крупой каши. Пироги сосполяли, каждый изъ большаго, на двое перегнушаго хлѣбнаго пласша. Горшокъ былъ огромный, и большая яма въ зашвердѣлой почвѣ каши показывала, что уже дня при шому былъ эпошъ горшокъ въ печи,

и много народа принималось послѣ того пишасья твердою его почвою. Кружокъ съ искрошеннымъ мясомъ посыпанъ былъ щепоткою соли; собесѣдники начали брашь куски мяса пальцами, разломавъ шпроги, по цвѣшу и вкусу кошорыхъ прудно было догадаться, пшеничные или ржаные они были. Задавая слова пирогомъ, дѣдушка Машвѣй продолжалъ разговоръ съ хозяйкою.

«А что, останавливался у васъ въ деревнѣ нашъ Воевода Ростовскій?»

— А кто-жъ его знаетъ. —

«Давно-ли прошли здѣсь свадебные обозы нашего Князя?»

— Не вѣдаю, родимый! — отвѣчала хозяйка, верия верешено, и поднявъ глаза на дѣдушку Машвѣя, съ совершеннымъ безчувствіемъ. Сшаруха, си-

дѣвшая подлѣ хозяйки, и прѣвшая безпрерывно съ самаго прѣзда госпей, во все время не говорила ни слова. Казалось, что иногда, въ эпомъ оспашкѣ косшей и жилъ, совершенно лишенномъ мяса, возбуждалось желаніе что нибудь сказать; но усиліе оканчивалось кашлемъ, копорый не приводилъ однакожь въ движеніе глубокихъ складокъ грубой, мѣднаго цвѣта кожи, присохшей къ костямъ на лицѣ спарухи. Можно было видѣшь, что сіи складки положили на лицѣ ея заботы мѣлочные о вещеспвенномъ сущеспвованіи, пруды шѣлесные, псяжкіе, и нужды. Складки сіи не выпавлялись рѣзкими, ломаными чершамми — могилами спрасшей, но были похожи на ряды въ пиѣ дерева, изъ копорыхъ каждый означаешъ шолько годъ

физическаго существованія. Глаза спарухи, подобясь двумъ оловяннымъ кружкамъ, глубоко укашились въ глазныя впадины, какъ будто боясь глядѣть на свѣшъ, гдѣ шакъ много времени означено было для нихъ шолько единообразнымъ зрѣлищемъ бѣдной, забопливой жизни и нужды непрерывныхъ. Но звучный голосъ дѣдушки Машвѣя, казалось, произвелъ наконецъ дѣйствіе, хопя не голоса, но эха въ груди спарухи. Съ сильнымъ кашлемъ, выкашились у нея изъ рта слова :

« Эхъ, кормилецъ ! наше бабье дѣло : гдѣ намъ все эшо знашь ! »

Дѣдушка Машвѣй вспаль въ эшо время изъ за спола, молился, оставя другихъ доѣдать кашу, кошорою наполнена была огромная чаша, вровень съ кра-

ями, и полипа квасомъ. Поклонясь на всѣ спороны, съ словами: «За хлѣбъ, за соль благодарствую, православные» — онъ опвѣчалъ спарухѣ: «И вѣспимо, бабушка! Кто больше насъ знаешь, тому и книги въ руки; а худо когда курица пѣшухомъ поешь и баба много вѣдаешь.»

«Что, дружище,» сказалъ онъ попомъ хозяину, который въ это время вошелъ въ избу съ своимъ рабочникомъ — «лучше-ли на дворѣ?» — Кажись, вызвѣздило съ воспока — опвѣчалъ хозяинъ, а все мяшешь, да кушишь.

Ужинъ былъ уже въ это время конченъ. «Сбирай-ка со спола, баба-баба-рица!» воскликнулъ хозяинъ женѣ своей — «къ намъ еще гостъ пріѣхалъ.»

— А кто? Изъ Москвы? — спросилъ дѣдушка Машвѣй, надѣвая шулупъ свой.

« Знакомый человекъ » — отвѣчалъ шайнштвенно хозяинъ. « Онъ не будетъ лишній; добрый человекъ никогда лишнимъ не бываетъ. . . . »

— Вѣспримо! примолвилъ дѣдушка Машвѣй. — Ну, брагія! пойдѣмъ-ка напоишь лошадей, да пора и на печьку; спарая спина назяблась, надобно ее пораспарить.

Не подпоясавшись, надѣвъ шулупы на распашку, пошли всѣ прїѣзжіе изъ избы...

Н. Полевой.

Х О Р Ъ

ИЗЪ ТРАГЕДІИ АНДРОМАХА.

Были дни : великъ и пышенъ
Ты споялъ, Пріамовъ домъ,
Дланью Зевсовой возвышенъ,
Полный злапомъ и серебромъ.

Быль врагамъ далеко спрашенъ,
Гордый силою своей,
Высокою слѣвъ и башенъ,
Быспропечностью коней.
Всѣми благами украшенъ
Ты лелѣялъ съ давнихъ дней:
Непорочность дѣвъ спыдливыхъ,
Прелеснь женъ благочеспивыхъ,
Дерзоснь юношей кичливыхъ,
Веледушіе мужей.

Но Паридовой измѣной
 Прогнѣвился Кроніонъ :
 Гибель, слѣдомъ за Еленой ,
 Входишь въ свѣшлый Иліонъ.

Ополчающся Априды
 Сокрушишь Пріама пронь —
 Злашовласой Тиндариды
 Выдашь имъ не хочешъ онъ ! —
 Вошь судами вокругъ Авлиды
 Синій Поншь загромождёнъ
 И, по манію Паллады ,
 Опъ разгнѣванной Геллады
 Браненосныя громады
 Понеслись на Иліонъ.

Но вообще неушомимо
 Грековъ рашуюшь вожди ,
 Предъ врагомъ за край родимой
 Гекшоръ всюду впереди.

Опъ руки неодолимой
 Тьмы Ажейцовъ въ прахъ легли :
 Но судьбѣ неумолимой
 Боги Трою обрекли !
 Гекшоръ палъ за край родимой...
 Зашумѣли корабли,
 Спихли яросные бои ,
 И Ажейскіе герои
 Опъ развалинъ бывшей Трои
 Въ пухъ возвращный прошекли.

—ва.

ПОСЛѢДНІЙ КАТАКЛИЗМЪ.

Когда пробьешь послѣдній часъ природы ,
 Сославъ часшей разрушишься земныхъ :
 Все зримое опяшь покроушь воды ,
 И Божій ликъ изобразишь въ нихъ !

Θ. Тютчевъ.

 П Ъ С Н Я .

Here's a health to thee, Mary. . .

Пью за здравіе Мери ,
 Милой Мери моей .
 Тихо заперъ я двери ,
 И одинъ безъ гостей ,
 Пью за здравіе Мери .

Можно краше бышь Мери ,
 Краше Мери моей ,
 Эпой маленькой Пери ;
 Но нельзя бышь милѣй
 Рѣзвой, ласковой Мери .

Будь же счастлива Мери ,
 Солнце жизни моей !
 Ни поски, ни пошери ,
 Ни ненаспливыхъ дней
 Пусшь не вѣдаешъ Мери !

А. Пушкинъ.

ТАЙНАЯ СКОРЬБЪ.

Туманенъ образъ швой, какъ даль ;
Какъ послѣ слезъ швой взоръ спаль помень !
Признайся мнѣ ! я буду скромень ,
Я раздѣлю съ шбой печаль.

Уже-ль себѣ не измѣня ,
Душа швая бы ушайла ,
Какъ безошвѣшная могила ,
Всѣ чувсшва скорби ошъ меня ?

О милый другъ ! скорѣй скажи ,
Какимъ спрадаешь ты недугомъ ?
Слешимся чувсшвами другъ съ другомъ
И ошкровеніемъ души !

А. Вельтманъ.

В Е С Н А.

Уже душистѣй спали ели,
И пахнетъ въ воздухѣ смолой;
Уже луга зазеленѣли,
И мохъ кудрился надъ скалой.

Раздѣлись синіе заливы,
И лодки ходящъ по рѣкѣ;
Уже заполосились нивы,
И слышно шадо вдалекѣ...

И воздухъ полонъ пишиною,
И какъ имъ сладосшно дышащъ!
Такъ сердце съ жизнью не земною
Вдыхаетъ неба благодащъ.

Ө. Глинка.

УРОКЪ ЭПИКУРЕЙЦАМЪ.

(Изъ Морини).

Друзья! спѣшите розы рвань
Роскошною рукою ,
Пока еще повесновать
Дано вамъ подъ луною ;
Пока онѣ еще въ цвѣту
И полны аромата.
Ловите радость на лепу ,
Она дороже запаха ;
Ловите въ юности живой ,
Пока у васъ ланины
Румянецъ красишь огневой
И кудри въ кольца свишы.

Что юность ? Молнія , — блеснетъ —
И болѣе не видно ;
За нею старость къ намъ придетъ ,
И сѣдиной обидной

Усѣешь наши волоса ,
 И разовьешься локонъ —
 И къ намъ ужь дѣвица-краса
 Не выглянешь изъ оконъ ,
 На насъ не оспановишь глазъ
 Съ улыбкою пріятной. . .
 Съ весною жизни все для насъ
 Проходишь невозвратно !

Раизъ.

АННѢ ИВАНОВНѢ.

Влюбленъ я дѣва красоша,
 Въ швой разговоръ живой и спраспной,
 Въ швой голосъ ангельски прекрасной ,
 Въ швой румяныя уша.

Дай мнѣ побой налюбоваться ,
 Твоихъ наслушанья рѣчей,
 Унишься пѣснію швоей ,
 Твоимъ дыханьемъ надышашьяся.

Н. Языковъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ 2-й ЧАСТИ СТРАННИКА.

Д Е Н Ъ 18.

СХХХVІ.

Ксташи о рѣкѣ Прушѣ. — Волны ея родяшся въ Карпатскихъ горахъ, гибнущъ въ Дунаѣ. — Ширина ошъ 5 до 18 сажень. — Вода, хошя мушна, но здорова и во многихъ мѣстахъ, имѣешъ свойство минеральныхъ крѣпительныхъ водъ.

Ошъ самой границы Австрійской до м. Липканъ течешъ она по долицѣ ош-

крышой. Со спороны Молдавіи крушой, лѣсисыйй берегъ ; съ нашей — оплогій скашь. Селенія часпыя. Опъ м. Липканъ до с. Коспешшъ большею частію между крушыми, скалисшыми берегами.

При с. Коспешши, въ первыйй день шеченія своего встрѣшила она преграду, гранишную зубчашую спѣну; но, спѣна раздвинулась предъ волнами Гіэразоса, какъ море предъ народомъ Израильскимъ, и шеперь р. Прушь прошекаетъ въ эшомъ мѣспѣ, какъ будшо чрезъ развалины гранишныхъ шріумфальныхъ ворошъ.

За Коспешшскими скалами вершина лѣваго берега, верспахъ въ пяши, шянешся паралельно рѣкѣ, крушымъ обваломъ. — Весь скашь, на нѣскольکو верспъ, усянъ высокими курганами.

Эшо мѣсто называется *Сута Можиле* (сто могилъ). — Здѣсь все должно бы напоминать сильное землетрясеніе, страшную бипву; но современники ихъ, можетъ бытъ, нѣсколько уже тысячъ лѣтъ какъ лежатъ подъ первымъ слоемъ земли, не заботясь о томъ, что иной живой много бы далъ древнему мершвцу за рассказы о современныхъ ему событіяхъ.

Далѣе, рѣка Прушь несетъся по болотистой и покрытой камышами долинь. Опъ Скулянь, вправо—змѣишя за рѣкой дорога въ Яссы, влѣво — на Кишеневъ. На сей послѣдней Провидѣніе сложило съ Князя Пошемкина блескъ, почести и ношу заблудливаго земнаго существованія, и — опправило по шайному пуши, къ первоначальному ничшо-

жеству чловѣка, или, можешъ бышь, къ возрожденію, и далѣе и далѣе и далѣе. . . . чрезъ безконечные ряды жизней и разрушеній, къ усовершенствованію, къ высокой цѣли, къ копорой спремится вся Вселенная.

Ниже Скулянъ, отъ села Цецоры, гдѣ былъ лагерь Петра Великаго, рѣка Прушь болѣе и болѣе погружается въ камыши. Болотистая и покрывшая озерами равнина расширяется. — Во время наводненій рѣка сливается съ озерами, берега шопки, непроходимы.

Х.

Непроходимы? — А въ 1825 году не ты ли, мой другъ, посланный для усиленія пограничной цѣпи, по этой спихійной змѣѣ въ 740 верствъ длиною,

проплыль благополучно верьхомъ? Не шы ли обязанъ 250 кордоннымъ Донскимъ конямъ, кошорые, въ печеніе 4-хъ мѣсяцевъ, шакъ же опважно носили шебя по водамъ, какъ Юпиперь несъ дочь Царя Агенора съ береговъ Финикии до острова Криша?

Европа на рогашомъ ворѣ
 Плыветъ верхомъ. Ей не до слезъ :
 Все молишся, чшобъ онъ пронесъ
 Ее счастливо черезъ море.
 Не бойся, дѣва бурныхъ водъ :
 Тебя самъ Зевсъ чрезъ нихъ несеть ! —

И шебя Богъ пронесъ чрезъ шо-пи, камыши, рѣки, озера и ш. д. — Чшо, мой другъ, непроходимы? — Непроходимы шолько глупосшь и предрас-судки человѣческія.

ДЕНЬ 19.

XII.

Какъ вы думаете, гдѣ я шеперь, милые мои чипашели? — Предсавьте себѣ! конь мой перескочилъ уже черезъ Рымникъ. — Перескочилъ? Возможно ли это? — Чрезъ Рымникъ, копорый пошопилъ все Визирское войско въ 1789 году?

Хоть за горами и ручей
 Не хуже моря часно попишь ;
 Но здѣсь, чипашели, ей, ей ,
 Совсѣмъ преданье не езопить!
 Да, Рымникъ не великъ пошокъ ,
 Но рѣдко кто бы въ немъ поплавалъ :
 Весной онъ быспрь, широкъ, глубокъ ,
 Весной ушонешъ въ немъ и дьяволь! —

XIII.

Далѣе, наблюдаю я полешъ авангар-

да 6 корпуса, подъ начальствомъ Г. М. Бар. Гейсмара. Быстро пронесся онъ 228 верстъ по равнинамъ Валахін и 30 Апрѣля явился предъ Букареспомъ. Появленіе его предупредило изсрѣбительный набѣгъ Турокъ ошь Туршукая и прочихъ Дунайскихъ крѣпосей. — Правительство Турецкое и толпы Мусульманъ, усрашенные приближеніемъ Русскихъ войскъ, не успѣли нарушить спокойствія жишелей; и тайно скрылись. Митрополишь и все духовенство, Почетные Бояре и народъ, вспрѣшили войско наше какъ избавишелей.

Плоское положеніе окрестностей Бухаресша не даритъ любопытныхъ взоровъ пріятными видами. Приближаясь къ городу мѣлкимъ кушарникомъ и мо-

лодымъ лѣсомъ, почши не замѣчая, въѣз-
жаешь въ предмѣспья его.

XIV.

Кривою улицей и длинной
Я ѣхалъ, ѣхалъ и — успалъ;
И какъ на зло, я всѣхъ встрѣчалъ
Съ фізіогноміей пусшынной.
Сѣдыхъ Бояръ, сшарухъ Бояршъ,
Ихъ кацавейку, шубу лисью,
Давно видалъ я... Конь мой! маршъ!
Маршъ къ Аншонаки! шагомъ! рысью!
Въ галопъ! ... спой! ... чудо, что за домъ?
Въ окнѣ . . . какъ изъ воды Наяда....
Эгэ! я вѣрно ей знакомъ?
Какъ улыбаешся, какъ рада.
Ей лѣшъ пятнадцашъ, чудеса!
Румянцъ пылокъ, черенъ локонъ,
Волнами грудь, горяшъ глаза
И все горитъ! ... по изъ за оконъ
Ее уже не вижу я,
А кровь волнуешся моя!

XV.

Насилу доѣхаль! . . . Успаль я съ до-
роги! . . . Ъспь, пишь, спать! . . . Эй!
мой! Циганешши, Молдовенешши, Ру-
мунешши! Формошика! . . . Мынкашь!

Да поскорѣй! — (слуга Франц) »Plait-il Monsieur?—
Manger Monsieur! “ — (Служ. Нѣмка). gleich; was
Sie wollen!

(Слуга жидѣ). »Закуску? “—Подавай ее!

Скорѣй! ошь голоду я болень! —

(Служ. Нѣмка). Wir haben Schnitten! “ — Ну, sehr gut!

(Слуга Молд.) „Ликеръ пуфшешши!»— Да, не худо!

(Жидѣ съ товарами). «Печашки, кольца. . .»

—Прочь, Иуда! —

(Два жиды). «Сукно, подкладка. . . (Армянинѣ).

»Гермисушь. . .

(Еврей съ товар.) Эхъ вѣрдэ э нень эшвась ца-
ень!“

— Тѣфу! надоѣли! эй! хозяинъ

Гони! — (Хозяинѣ) „Анасына-сѣкимъ!“

(Армяне). „М’жазуръ буюрунь сулшанымъ!“

(*Слуга Грекъ*). „И'зу каптони кэ салапанъ !“
 — Султанъ , пѣшухъ или эвнухъ ,
 Мнѣ все равно . . онъ весь упрятанъ . . .
 Но . . въ немъ , мой другъ , нечиспый духъ ! —
 (*Хозяинъ*). „Анасына сэкимъ !“ —

Такимъ образомъ , всѣ вышеозначенныя лица : купцы и разнощники , привязчивые Жидаы , безошвязные Армяне , навьюченныя Тирольцы , разнонародныя респораціонныя служишели , и Лопхенъ , заспавившая меня сказапъ по Нѣмецки :
 ну , sehr gut ! — всѣ они и каждый порознь , своею единицею измѣряли мое шерпѣнїе и голодь ; но , наконецъ , первые изгнаны Турецкимъ прокляшїемъ , а послѣднїе подали мнѣ чашку бульону , пару бекасовъ съ салапомъ и бисквишъ , приготошвенный еще въ 1820 году къ ожидаемому дню вступленїя на Диванъ Валахїи Князя Каллимахи ; пошомъ вы-

пилъ я, какъ водился, графинь Римникскаго вина и спаканъ *фе*; ибо поданный кофе не спомль и названія *офе*.

Какъ человекъ совершенно опытный по части ушоленія голода и жажды, я, въ пяшь минушь обрабопалъ спашью; побранилъ прислугу за излишнюю скорость и за несперпимую медленность, сказалъ еще нѣсколько словъ по Нѣмецки и опсправился въ свою комнашу.

«На бархашномъ диванѣ лежа. . . »

— Пспойте, самъ я доскажу;

Каршина на меня похожа,

Я спочно спакъ спеперь лежу. . .

Но. . . спашь пора.—

А. Вельтманъ.

ЦЫГАНЫ.

(сб Англійскаго.)

Надъ лѣсисшыми брегами,
 Въ часъ вечерней шишины,
 Шумъ и пѣсни подъ шашрами
 И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя,
 Узнаю швой коспры;
 Я бы самъ въ иное время
 Провождалъ сіи шашры ;
 Завтра съ первыми лучами
 Вашъ исчезнешъ вольный слѣдъ,
 Вы уйдешъ—но за вами
 Не пойдешъ ужъ вашъ Поэшь.

Онъ бродящіе ночлеги
 И проказы спарины
 Позабылъ для сельской нѣги
 И домашней шишины.

А. Пушкинъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Изъ гроба древности шебѣ привѣтъ :
 Тебѣ сей гласъ , гласъ неокрѣпый , юный ;
 Тебѣ звучать , нашъ камеръ-тонъ Поэтъ ,
 На ладъ швоихъ наспроенныя струны .
 Проспишь меня великодушно въ помъ ,
 Когда швой слухъ взыскапельной и нѣжной
 Я оскорблю неслаженнымъ стихомъ ,
 Иль риемою неспройной и мяшежной ;
 Но , можешъ быть , порадуешъ себя
 Въ моемъ стихѣ своимъ же шы успѣхомъ ,
 Что въ древнѣй Римъ опозвалась швоя
 Гармонія , хошя и слабымъ эхомъ .

Изъ Рима мой къ шебѣ несешся стихъ ,
 Весь шрепешный , но полный чувшвомъ шай-
 нымъ ,
 Пророчешвомъ , невняшнымъ для другихъ ,
 Но для шебя не шемнымъ , не случайнымъ .

Здѣсь , какъ въ гробу , грядущее виднѣй ;
 Здѣсь и слѣпецъ дерзаетъ бытъ пророкомъ ;
 Здѣсь мысль , полна преданія , смѣлѣй
 Пошмы вѣковъ пронзаешь орлимъ окомъ ;
 Здѣсь Даншовъ спихъ всю бездну исходилъ
 Опъ дна земли до горняго ээира ;
 Здѣсь Анжело , зря день послѣдній міра ,
 Пророчесшвенной киспью гробы вскрылъ .
 Здѣсь , разшатавшись опъ изнеможенья ,
 Въ развалины распался древній міръ ,
 И на обломкахъ начашъ новый пиръ ,
 Блишпашельный , во здравье просвѣщенья ,
 Куда . чредой , всѣ племена земли ,
 Избранники , сосуды принесли ;
 Куда и мы приходимъ , съ чеспью равной ,
 Послѣдніе , какъ древле Римъ пришёлъ ,
 Да скажемъ нашъ рѣшишельный глаголь ,
 Да поднесемъ и свой сосудъ заздравной !—
 Здѣсь двухъ міровъ и гробъ и колыбель ,
 Здѣсь новаго святое зарождење :
 Предчувствіемъ объемлю я опсель
 Великое ошчизны назначење !

Когда , крылашь мечшою дивной сей ,
 Мой быспрый духъ родную Русь объемлеть
 И ей опсель прилѣжнымъ слухомъ внемлеть ,
 Онъ слышишь шамъ : со плесками морей ,
 Внутри ея просторно заключенныхъ ,
 И съ воемъ рѣкъ , лѣсовъ благословенныхъ ,
 Гремись языкъ , созвучно вшоря имъ ,
 Онъ бѣлыхъ льдовъ до водъ бѣющихъ въ Крымъ ,
 Изъ свѣжихъ уснъ могучаго народа ,
 Весь звуками богашый какъ природа :
 Душа кипишь !...

Какой тогда хвалою гремлю я Богу ,
 Что сей языкъ онъ мнѣ вложилъ въ уста .
 Но чьи изъ всѣхъ родимыхъ звуковъ мнѣ
 Тѣсняся въ грудь неопразимой силой ?
 Все Русское звучишь въ ихъ глубинѣ ,
 Надежды всѣ и слава Руси милой ,

Чтó съ дѣшскихъ лѣшъ вшвердилось въ слова ,
 Чтó сердце жмешь и будишь вздохъ заочный :
 Твои—пѣвецъ ! избранникъ божества ,
 Любовію народа полномочный !
 Ты Русскихъ думъ на всѣ лады органъ !
 Помазанный Державинымъ предпечей ,
 Ты—колоколь во славу Россіянъ !

Комужь , пѣвецъ , коль не тебѣ , ошкрою
 Вопросъ , въ умѣ раздавшійся моёмъ
 И щещно въ немъ гремящій безъ покою :
 Чшо сдѣлалось съ Россійскимъ языкомъ !
 Чшо онъ шворишь безумныя проказы !—
 Тебѣ спранна , бышь можешь , рѣчь моя ;
 Но краткіе его развѣрнемъ фазы —
 И шы поймешь , къ чему шпремлюся я.—
 Сей богашырь , сей Муромецъ Илья ,
 Баюканный на льдахъ подѣ вихремъ мразнымъ ,
 Во шьмѣ вѣковъ сидѣвшій сиднемъ празднымъ ,
 Сшаль на ноги умѣнемъ рыбаля
 И началъ пѣснь ошъ Бога и Царя.—

Воскормленный средь Сѣвернаго хлада ,
 Родной зимы и льдиспыхъ Альпъ пѣвцомъ ,
 Окрѣпъ совсѣмъ и спалъ богашыремъ ,
 И съ нимъ гремѣлъ подъ бурю водопада .
 Но ошгремѣвъ , онъ плавно рѣчь повель
 И чиспыми Карамзина усшами
 Намъ исповѣдъ народную прочель ,—
 И рѣчь нѣслась широкими волнами :
 Чшо далѣе—шю глубже и свѣплѣй ;—
 Какъ въ зеркалѣ , вся Русь глядѣлась въ ней ;—
 И въ океанъ лишь шолько превратилась ,
 Какъ Ниль въ пескахъ , внезапная сокрылась ,
 Сокровища съ собою унесла ,
 И шайнаго никшо не смѣшилъ хода . . .
 И чшожъ шеперь ?—вдругъ лужею всплыла
 Въ Ишоріи Россійскаго народа .

Межь шѣмъ когда изъ усшъ Карамзина
 Минувшее рѣкою очищенной
 Текло въ народъ : священная война
 Звала языкъ на подвигъ современной .

Съ Жуковскимъ онъ, на опическихъ спѣнахъ
 Развивъ съ Кремля воинственнаго знамя,
 Въщаль за Русь: пылали въ шѣхъ рѣчахъ
 И дужь Москвы и жершвенное пламя!
 Со славой онъ родную славу пѣлъ,
 И мира звукъ въ опвѣшь мечу гремѣлъ.
 Теперь, комужь, коль не шебѣ, по праву
 Грядущую вручишь онъ славу?

Чшожь нынѣ спалъ нашъ мощный богашырь?
 Онъ, Гальскою діэшою замученъ,
 Весь испишой, спалъ блѣденъ, вяль и скученъ,
 И прихоншливъ, какъ лакомый визирь,
 Иль Сибаритъ, на розахъ почивавшій,
 Недужныя спенанья издававшій,
 Когда подъ нимъ сминался лепестокъ.
 Такъ нашъ языкъ: опъ словаль праздный слогъ
 Чуть ошогнешь, небережно ли вынешь,
 Тѣснѣ-ль въ рѣчь мысль новую водвинешь, —
 Ужь боленъ онъ, не вынесепъ, крягшипъ,
 И мысль на немъ какъ грузъ какой лежишь!

Лишь пѣсенки ему да брани милы;
 Лишь шолькобъ умъ былъ шихо усыплёнъ
 Подъ риѣменный, ошборный пуспозвонъ,
 Чшб, еслибъ вспалъ Державинъ изъ могилы,
 Какую-бъ онъ наслалъ ему грозу!
 На шо-ли онъ его взлелѣялъ силы,
 Чшобъ превратишь въ лѣниваго мурзу?
 Иль чшобъ ругаль заѣзжій иноспранецъ,
 Ковой нибудь писапель-самозванецъ,
 Свяшую Русь Россійскимъ языкомъ,
 И насъ бранилъ, и нашимъ же перомъ?

Недужнаго иные врачевали,
 Но шайнаго сосшава не узнали:
 Тянули изъ его разслабшихъ нѣдръ
 Зазубренный спондеемъ гекзамѣшръ (*),

(*). Эшо не можешь ошносисься ни къ гекзамешрамъ Жуковскаго, ни Гнѣдича, пошому чшо они не зазубрены спондеями. *Авт.*

Но онъ охрипъ.....

И кшожь его оправившь?

Кшо ошь одра болящаго возсшавившь?...

Тебѣ ошкрышь природный въ немъ сосшавъ,
Тебѣ знакомъ и звукъ его и нравъ.

Врачуй его: подъ хладнымъ Русскимъ Фебомъ
Корми его почаще сышнымъ хлѣбомъ,

Ошь суешныхъ печалей ошъучи

И Русскими въ немъ чувсшвами звучи.

Да призови въ сошрудники Поэша

На важныя Иракловы дѣла,

Кого судьба, въ знакъ добраго привѣша,

По языку не даромъ назвала:

Чшобъ богашырь спряхнулъ свой сонъ глубокой,

Даль звукъ гусшой и сильной и широкой,

Чшобъ славою ошчизны прогудѣль,

Какъ колоколь изъ мѣди лишъ Рифейской,

Чшобъ перешель за свой родной предѣль.

С. Шевыревъ.

Римъ. Августъ. 1830.

О Т Р Ы В О К Ъ
ИЗЪ ДУРАЦКАГО КОЛПАКА.

Г Л А В А ХХІ.

Руссо написалъ : » должно бышь
» щаспливымъ на зло судьбы. «

Я говоришь шакъ не смѣю. Скажу:
» посшараемся бышь щаспливыми
» украдкой опъ судьбы. «

І.

Главой о *сшасшви*, въ вѣкъ суровой,
Повеселишь кошѣль я васъ :
Но что ни скажешь , все не ново ;
При помъ же *сшасшше* у насъ ,
Не вовсе *сшасшливое* слово...

II.

Его не выговоришь вдругъ :
 Въ немъ буквы съ-двѣ неблагозвучныхъ ,
 И у людей благополучныхъ
 Онѣ немного рѣжутъ слухъ ;
 Онѣ ужасны для несчастныхъ...

III.

Не знаю гнѣвъ ли заслужилъ
 Опъ *буквописцевъ* безпристрастныхъ ,
 Иль, можешь бышь, имъ угодилъ :
 Я стасье буквой сократилъ...
 И слова и *гервя* въ замѣну,
 Я въ *щастви ща* пишу одну.

IV.

Я буквой мысли не одѣну :
 Къ чемужь величишь ихъ казну ?
 И гдѣ словесникамъ угроза ?
 Безъ правилъ скачешь наша проза ,

Никѣмъ не взнуданъ нашъ пегасъ.

Для громкозвучнѣйшаго слова,
Еще *Грамматика* (*), у насъ,
Какъ много кой-что, не гоцова.

V.

Раскольничанъ позволено:
Еще нѣтъ *буки* надъ словами.
Иные пусть ползуть съ *тереями*
Куда ползти имъ суждено;
А я оспануся — со *щами*.
Для щасья жъ все равно.

VI.

Туть дѣло смыслъ, не въ буквяхъ дѣло.
Не важно слово сокрашишь;
Но мы должны благодарить
Учене новой школы смѣлой:
Оно намъ *щастіе* умѣло
Опъ *наслажденя* опличить.

VII.

Насъ убѣждаетъ умъ и чувство,
Что наше щастье естъ искусство.

(*) Писано до изданія *Грамматики Грегесой. Авт.*

Въ вѣнкѣль изъ перна мы , въ вѣнкѣ ли мы изъ
розъ,

А щаспью можемъ научишься :

Горацій , классикъ , а годишься ;

Учителв жизни нашей — *Дроздъ* !

VIII.

Когда щаспливы бышь хопише ,

Чишашели моихъ стиховъ ,

Я прозой вамъ служишь гоповъ :

Искусство жить мое прочише .

Могу хвалишь его легко ,

Оно чужое сочиненье :

Въ немъ проспо, ясно, корошко

Найдеше — *Жизни Уложенне* . —

IX.

Теперь, бышь можешъ, въ заключенье,

Вы спросите : щаспливъ ли я ?

Щастливъ ! сказалъ бы я, друзья :

Да эшо будешъ ли прилично ?

X.

Вездѣ ввернешся мой поспрѣль.

Недавно въ клобѣ я верпѣль

Журналъ , въ обвершочкѣ кирпичной...

Онъ пишеть : » щаспіе удѣль

»Опличнаго ума, иль глупости опличной.

»Дано лишь крайноспямъ однѣмъ :

»Посредсшвенность не можешъ бышь щасшлива.«

XI.

И шакъ, я назовуся чѣмъ?

Опличнымъ умникомъ? — спѣсиво.

Опличнымъ дуракомъ? — грѣшно.

Я лаконически скажу : *смѣшно!*

Мнѣ всё не въ прокъ, всё не клейпся ,

Какъ ни верчу , не йдешъ на ладъ ;

Чшо въ пору всѣмъ, мнѣ не годишся :

И щасшливъ я, да не въ попадѣ....

XII.

Судьба велишь, чшобъ я, позшь задорной,
 Быль пршшо *шастливый дуракъ*,
 Сидѣль въ углу, *вязалъ колпакъ*;
 Чшобъ было шѣсно мнѣ, когда другимъ про-
 спорно, . . .
 Судьба сударыня! я вашъ *слуга покорный*. . .

N. N.

С. П. Бургъ.

1827.

 Р А З С В Ѣ Т Ъ.

Не полонъ нашъ разгуль, не конченъ пиръ ночной:
 Не всѣхъ насъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
 Не всѣмъ поднесены привѣшшвенныя чаши!
 Смѣлый и радосный заблещушь взоры наши,

Смѣлѣй и радостнѣй воспламенишься умъ,
 Шумнѣе закипяшь избыткомъ чувствъ и думъ
 И разбушуются живыя наши рѣчи.
 Но — вопль злаго дня воздушные предпечи
 Краснѣютъ облаковъ прозрачныя струи:
 Покинемъ шумъ суеты, поварищи мои!
 Прервемъ бречанье чашъ и пѣсни удалыя!
 Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя
 И солнечный восходъ пышнѣе изъ за-горъ
 Подъ скасами лѣсовъ и кунями озеръ,
 Туда на высь холма! Тамъ, упренней прохлады
 Въ живительныхъ волнахъ, омоемъ наши взгляды,
 Горячія уша и груди освѣжимъ.
 Пойдемъ, поварищи! Опшолѣ мы узримъ
 Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
 Передъ широкими своими зеркалами,
 Воспочной роскошью и нѣгой убрана,
 Красуется земля возспавшая ошъ сна.

Н. Языковъ.

Г Р О М Ъ.

Гремить... и воды запеспрѣли ;
И слышенъ въ воздухѣ, какъ будто шумъ и крикъ ;
И, вспыхнувъ, молніи на спеклахъ закипѣли ;
И часовой спойшь ушупя въ землю шшыкъ !...
Гдѣ зарождаются сіи кипящи громы ?
Гдѣ бурь и непогодъ шаиншвенные дома ? ...
— Зачѣмъ намъ *тайны* познавать ,
И мыслями волнуясь ушомляться ?
Не лучше ли, во всемъ вспрѣчая благодать ,
Жить просто и всему *по дѣтски* удивляться ! ...

Ө. Глинка.

ДАЙ КРЫЛЬЯ.

Дай крылья, сынъ Циперейды,
Дай крылья мнѣ: я полечу!
На райскихъ берегахъ Тавриды
Я встрѣпишь свѣшлый день хочу;
Успалый пушникъ, памъ я сброшу
Печалей шягоспную ношу!

Тамъ лёгко, вольно будешь мнѣ:
Тамъ къ Чашырдагской вышинѣ
Я прикую безмолвно взоры;
Я быспрой серной кинусь въ горы,
И съ горъ, какъ водная спруя,
Скачусь въ объашья друга я!

А. Вельтманъ.

ОТ РЫВОКЪ
ИЗЪ РУКОПИСИ ПУШКИНА.

(*Полтава.*)

Nabent sua fata libelli. Полшава не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не сползла его; но я былъ избалованъ приемомъ оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому-жь это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бѣемся.

Наши кришки взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи — и вошь какимъ образомъ.

Они вопервыхъ объявили мнѣ, что ошроду никто не видывалъ, чшобъ жен-

щина влюбилась въ старика, и что слѣдственно любовь Маріи къ старому Гешману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

»Ну чтожь что ты Чеснонь? Хошь знаю да не вѣрю.» Я не могъ довольствоваться этимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная спрашь. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Вспомнише преданія мифологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмаліона — и признайшесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды Поэзіи. А Ошелло, старый Негръ, плѣнившій Дездемону разказами о своихъ странствіяхъ и бисвахъ? . . . А Мирра, внушившая Испаліянскому Поэту одну изъ лучшихъ его трагедій? . . .

Марія (или Машрена) увлечена была, говорили мнѣ, щеславіемъ, а не любовію: — велика честь для дочери Генеральнаго Судіи бытъ наложницею Гешмана!—Далѣ говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой и глупой старишка*. Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ я каюсь: добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минушу когда онъ хлопчешъ о казни опца дѣвушки имъ обольщенной. Глупоспъ-же челоѡка оказыѡается или изъ его дѣйсѡвій, или изъ его словъ:— Мазепа дѣйсѡѡуетъ въ моей поэмѣ шочъ въ шочъ какъ и въ Исторіи, а рѣчи его объясняють его историческій характеръ. — Замѣшили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ, что Малороссійскій Гешманъ не спуденшъ и за пощечину или

за дерганье усовъ мстишь не захочешь. Опять Исторія опроверженная лиштературной крипикой,—опять *хоть знаю да не стрю!* Мазепа, воспианный въ Европѣ въ то время какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнишь долго обиду Московскаго Царя и опомстишь ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ скрытый, жестокій, пошоянный. Дернушь Ляха или Козака за усы все равно было, что схватишь Россіянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнные имъ, помнишься, ошъ Чаплицкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (См. Лѣшоп. Конискаго.).

Старый Гешманъ предвидя неудачу,

наединѣ съ наперсникомъ бранишь въ моей поэмѣ молодаго Карла, и называешь его, помнишься, мальчишкой и сумазбродомъ: крипики важно укоряли *меня* въ неосновательномъ мнѣніи о Шведскомъ Королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ: крипики ссылались на *собственные слова* Гешмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее *больше славы, больше власти*. Какъ опвѣчать на шаковыя крипики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались крипикамъ *низкими, бурлацкими* выраженіями. Какъ бытъ!

Въ Вѣспникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что вѣроятно не назвалъ я ея Мазепой, чтобы

не напомнишь о Байронѣ. Справедливо, — но была шупь и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонпанъ въ рукописи названъ былъ *Харетомъ*, но меланхолическій эпиграфъ (который конечно лучше всей поэмы) соблазнилъ меня.

Ксшапи о Полшавѣ крипики упомянули однакожь о Байроновомъ Мазепѣ; но какъ они понимали его! Байронъ зналъ Мазепу шолько по Вольперовой Исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ шолько каршиной челоуѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Каршина конечно поэтическая, и за то посмошрише, что онъ изъ нея сдѣлалъ. Но не ищете шупь ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго ненависшнаго, мучительнаго лица, кошо-

рое проявляешся во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но кошораго (на бѣду одному изъ моихъ кришиковъ) какъ нарочно въ Мазепѣ именно и нѣшь. Байронъ и не думаль о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ одна другой разительнѣе — вошь и все: но какое пламенное созданіе! какая широкая, быстрая кисть! Еслижъ бы ему подъ перо попалась Исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, шо вѣрояшно никшо бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прилѣжаніе. Рукопись, изъ кошорой взялъ сей опривокъ, содержишь весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пущкина о поэмахъ его и нѣкошорыхъ кришикахъ. Изъ оной видно, что Поэпъ не опровергалъ кришикъ пошому шолько, что не хошѣлъ. *Изд.*

У Е Д И Н Е Н І Е.

Уединенье мнѣ милѣе,
 Чѣмъ многолюдный свѣшъ и шумъ;
 Въ деревнѣ какъ-то веселѣе,
 Свѣжѣй душа, свободнѣй умъ.

Какъ сладко упрямъ просыпашься
 Еще до солнечныхъ лучей,
 Росой холодной умывашься,
 Глядясь въ зеркальный ручей;

Въ полдневный зной искашь прохлады
 Въ шѣни задумчивыхъ вѣтвей;
 Бродишь куда укажутъ езляды,
 Забывъ про свѣшъ и про людей.

 РУССКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ(*).

По горамъ, горамъ
 По высокіимъ ,
 По раздольицамъ
 По широкіимъ ,
 Тутъ огни горяшъ
 Негасимыя,
 Злы Ташарови
 Тутъ полонъ дѣляшъ :
 Доспавалася
 Теща зяшю въ плѣнь.
 Онъ опшвелъ ее
 Къ молодой женѣ ,
 Полоняночкѣ:
 Ахъ и вошь шебѣ ,
 Молода жена,

(*) Старинная прерасная пѣсня сія, которую
 и шеперь еще поюшъ нянюшки, получена опъ
 Г. Племянника.

Полоняночка
 Съ Руси Русская;
 Ты заспавь ее
 Три дѣла дѣлашь:
 Чшо и первое
 То дидя качашь,
 А другое-шо
 Тонкій кужель прясшь,
 Чшо и шрешіе
 То цыплять пасши.—
 » Ты баю, баю,
 Мое дидяшко!
 Ты по башюшкѣ
 Злой шашарченокъ,
 Ты по мапушкѣ
 Миль внучёночекъ:
 Вѣдь швоя-шо машь
 Мнѣ родная дочь,
 Семи лѣшь она
 Во полонь взяша,
 На правой рукѣ
 Нѣшь мизиньчика.
 Ты баю, баю,
 Мое дидяшко! »—

Какъ услышала
 Тушь Тапарочка,
 Она кинулась,
 Она бросилась
 На бѣлы руки
 Къ своей мапушкѣ:
 Ахъ, родимая
 Моя мапушка!
 Выбирай себѣ
 Коня лучшаго ;
 Мы бѣжимъ съ тобой
 На свяшую Русь,
 На свяшую Русь
 Нашу родину !

К. С. А. О.

Какъ часто, пылкою мечтой
 Томимый въ часъ безсонной ночи,
 Я вижу взоръ прелестный твой,
 Твои плѣнительныя очи.

И въ нихъ мнѣ кажется слилось
 Все то, чего душа искала...
 За чѣмъ же счастье не сбылось!
 Нѣтъ, пы любви моей не знала!

И мнѣ-ль вдохнуть въ себя любовь,
 Мнѣ-ль видѣшь пламень упоенья:
 Какъ охладѣвшимъ сердцемъ — вновь
 Встрѣчашъ живыя наслажденья?...

Съ увядшей, мрачною душой
 Къ себѣ не смѣю приближаться;
 Мой жребій: издали плѣняшся
 Твоей привѣшной красотой.

Такъ духъ низверженный изъ рая
 Свое блаженство видить шамъ;
 Но, о блаженствѣ томъ мечтая,
 Взлетѣшь не можешь къ небесамъ.

П. Сумароковъ.

ВЪ А Л Ь Б О М Ъ.

Пріяшность языка боговъ
 Пѣвцу просному незнакома,
 Гдѣ-жь я возму прекрасныхъ словъ
 Достойныхъ Вашего альбома?

Есть слово звучное одно,
 Не знаю я другаго краше,
 Изображаетъ Васъ оно,
 То слово : Софья — имя Ваше.

Другое слово знаю я,
 Звукъ милый, нѣжныхъ чувствъ созданье,
 Дружна съ нимъ часпо мысль моя,
 И слово то : воспоминанье!

А. Вельтманъ.

 Э П И Г Р А М М Ы .

1.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринь,
 Чшо родомъ ты не Русскій баринь,
 Чшо на Парнасѣ ты цыгань,
 Чшо въ свѣстѣ ты вѣдокъ фигляринь:
 Бѣда, чшо скучень твой романь.

2.

Повѣрьше мнѣ — Фигляринь моралпсшь
 Намъ говоришь преумиленнымъ слогомъ —
 Не должно краспшь; кино на руку не чиспшь,
 Передъ людьми грѣшишь и передъ Богомъ.
 Не надобно въ судѣ кривишь душой;
 Не хорошо живишься клеветой;
 Времъ ницику подслуживаешь низко;
 Чеспшь, братцы, чеспшь дороже намъ всего! —
 — Ну, чшожь? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ
 близко,
 А кажешся и ново для него.

ТАЙНА.

Я не скажу, я не признаюсь,
Въ чемъ шайна вѣчная моя,
Ее я скрышь ошь всѣхъ спараюсь,
Боюсь довѣрчивосши я.

Васѣ не займешь она, не пронешь,
Какъ скучной повѣсти рассказъ ;
Такъ пусть-же навсегда похонешь
Она въ душѣ моей ошь *васѣ*.

Люблю. . . невольный звукъ, случайной. . .
Не вѣрыше . . . небо я молю
Навѣкъ оспавишь грустной шайной :
Кого я пламенно *люблю* !

А. Вельтманъ.

ДѢВИЧІЙ СОНЪ.

Мимо дома все хожу,
 Все въ одно окно гляжу:
 Не мелькнешь-ли образъ милаго,
 Полный шайнства унылаго,
 Какъ изъ облака жемчужнаго,
 Словно лебедь молодой,
 Свѣшлый мѣсяць неба южнаго
 Выплываешь въ шмѣ ночной.

Я не вѣдаю кпо онъ,
 Онъ привидѣлся какъ сонъ.
 Сердцу въ скукѣ одиночества,
 Сонъ завѣшный, сонъ пророчества;
 Обольспительной, мушительной
 Онъ преслѣдуешь меня,
 Въ мракъ ночи прохладительной,
 Въ шумѣ пламеннаго дня.

Сонъ мой, сбышочень-ли пы ,
 Иль лукавый даръ мечпы ?
 Чшобы ни было , не сѣшую ,
 Жизнь имъ свѣшлую, согрѣшую ,
 Имъ прекрасную единшвенно,
 Полюбила я съ шѣхъ поръ ,
 Какъ мнѣ на сердце шаиншвенно
 Заронился чудный взоръ.

Но когда во шмѣ ночной
 Свѣшипъ мѣсяць золошой ,
 Кшо помышлишъ своенравная :
 Для чего ему не равная
 Не взойду въ хоромы звѣздныя
 Лобызать его лучи ,
 Иль въ объяпїя любезныя
 Не сойдешъ ко мнѣ въ ночи ?

К. Вяземскій.

СЛОВА ДЛѢ МУЗЫКИ.

ПѢВЦЪ.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ упреннѣй молчали,
Свирѣли звукъ унылый и проспой
Слыхали-ль вы ?

Встрѣчали-ль вы въ пущынной имѣ
лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль шихѣй взоръ, исполненный поской,
Встрѣчали-ль вы ?

Вздохнули-ль вы, виная тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали ?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали ;
Встрѣчая взоръ его помухшихъ глазъ ,
Вздохнули-ль вы ?

А. Пушкинъ.

